

ДИСКУССИЯ

О влиянии культуры социума на его язык (на примере амазонского племени пираха)

Алексей Дмитриевич Кошелев

Издательский дом «ЯСК», Москва, Россия

Аннотация. Одна из центральных тем статьи — характер влияния культуры социума на его язык. Показывается, что прогресс социума способствует развитию содержательного компонента языка — расширению круга его лексических и грамматических значений. Обсуждается гипотеза Д. Эверетта о влиянии культуры на строй языка. Предлагаются модели деятельностного развития человека и социума, образованные тремя компонентами: Деятельность (главный компонент), Мышление и Язык (вспомогательные компоненты, обеспечивающие успешное осуществление деятельности). В свете этих моделей анализируются некоторые необычные свойства языка племени пираха, описанные Эвереттом: отсутствие цветообозначающих и счетных слов, страдательного залога и др. Показано, что эти свойства обусловлены начальным уровнем прогресса племени и, предположительно, элиминировались бы в случае его перехода на последующие уровни прогресса.

Контактная информация: Алексей Дмитриевич Кошелев, koshelev47@gmail.com; 107031, Москва, Большая Лубянка, д. 13/16, стр. 1.

Ключевые слова: пираха, деятельность, мышление, развитие языка, культура, цветообозначающие слова, счетные слова, модель человека

© 2018 Алексей Дмитриевич Кошелев. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья частично основана на материалах более раннего послесловия к книге Д. Эверетта: *Кошелев А. Д. Пираха как пример языка, «застывшего» на начальной стадии эволюции / Д. Л. Эверетт. Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. Послесловие. М.: Языки славянских культур, 2016. С. 341–378.*

Благодарности. Выражаю глубокую благодарность Л. Г. Зубковой и Е. В. Печенковой за плодотворные обсуждения всех разделов статьи и ценные советы. Я также благодарен анонимным рецензентам за полезные замечания.

Статья поступила в редакцию 24 мая 2017 г. Принята в печать 26 марта 2018 г.

1. Введение

1.1. О языке пираха: влияет ли культура на язык?

Согласно исследованиям Д. Эверетта, языку пираха — небольшого одноименного племени охотников-собирателей, живущих на берегах реки Маиси (притока Амазонки), — присущ целый ряд редких лексических и грамматических свойств: отсутствие числительных, цветообозначающих имен, грамматической категории числа, страдательного залога, рекурсии, бедность лексических показателей времени, родства и др. (Everett,

2005, 2009; Futrell et al., 2016; Эверетт, 2016). Как считает Эверетт, эти свойства, делающие язык пираха одним из самых экзотичных человеческих языков, обусловлены столь же необычной культурой этого племени.

В документальном фильме «Код Амазонки „Грамматика счастья“» (2012 г.) Эверетт говорит: «Я хочу доказать, что культура оказывает влияние не только на словарь языка, но и на его строй. И язык пираха — яркое тому подтверждение».

Как он сам подчеркивает, эта точка зрения антагонистична позиции генеративистов:

«Как и большинство современных лингвистов, я раньше считал, что культура и язык в целом не зависят друг от друга. Однако, если я прав в том, что культура может сильно влиять на грамматику, то тогда... идея, что грамматика является частью человеческого генома и вариации в грамматиках языков мира в целом незначительны, в корне неверна» (Эверетт, 2016, с. 258).

Поэтому не удивительно, что научные взгляды Эверетта подверглись резкой критике со стороны ученых, в той или иной степени близких к генеративизму, — см. мнение, высказанное в том же фильме С. Пинкером:

«Возможно, самое смелое утверждение Эверетта то, что необычные характеристики языка пираха — порождение их культуры. Есть общее правило, с которым согласятся все лингвисты: что различия языков мира не имеют ничего общего с различиями в культурах народов, говорящих на них. Чтобы не быть голословным, в некоторых языках дополнение ставится после глагола, например *Джон ел суши*, а в некоторых — перед ним: *Джон суши ел*. Но соотносится ли это с культурой?.. Ответ — нет.»

См. также критические статьи А. Невинса и коллег (Nevins et al., 2009a, b).

Итак, в современной лингвистике вновь обрело актуальность антагонистическое противостояние: «культура влияет на язык» vs «культура не влияет на язык». Здесь нет возможности даже кратко охарактеризовать историю вопроса. Остановимся лишь на взглядах Э. Сепира и И. А. Бодуэна де Куртенэ, близких к излагаемой ниже точке зрения.

1.2. Сепир и Бодуэн де Куртенэ о влиянии культуры на язык. Коснемся сначала взглядов Э. Сепира. Прежде, конечно, нужно определиться с трактовкой понятия «культура». Согласно Сепиру «культура... может быть кратко определена как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух» (Сепир, 1993, с. 469); «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает» (там же, с. 193; выделение автора. — А.К.). В этом понимании культуры важно разграничить две составляющие: неизменную — «национальный дух» и изменяющуюся со временем — «цивилизацию», «то, что общество делает». Говоря о языке в контексте рассматриваемой проблемы, Сепир различает в нем содержательную составляющую — словарь, отражающий «культурный фон данного общества» (там же, с. 276), — и грамматическую систему. Касательно влияния культуры этнической группы на ее язык Сепир указывал, что в начальный период ее существования (то есть в «примитивной группе с едва различимыми зачатками языка и культуры») развитие языка (как его содержания, так и грамматической системы) зависело от развития культуры. Оно

«происходило в известной степени параллельно, т. е. явления культурной деятельности получали

свое отражение в грамматической системе языка. Иными словами, дело не только в том, что слова служили символами для отдельных элементов культуры... но и в том, что, как мы можем предположить, грамматические категории и процессы сами по себе тоже отражали соответствующие (значимые с точки зрения культуры) типы мысли и деятельности» (Сепир, 1993, с. 282).

В процессе дальнейшего развития такой группы причинно-следственные отношения между культурой — ее быстро изменяющейся цивилизационной составляющей — и языком, с его гораздо медленнее изменяющейся формой, сохраняются, но становятся более расплывчатыми и трудноуловимыми, ср.:

«Хотя формы языка не могут изменяться так же быстро, как соответствующие формы культуры, почти не вызывает сомнения тот факт, что резкое изменение культурной организации общества сопровождается ускорением языкового развития. Если же довести эту мысль до логического завершения, мы вынуждены будем признать, что быстрое усложнение культуры с необходимостью ведет к соответствующим, хотя и не столь быстрым, изменениям языковой формы и содержания. <...> Я не склонен считать случайностью тот факт, что быстрое развитие культуры в Западной Европе на протяжении последних 2000 лет сопровождалось языковыми изменениями, которые представляются необыкновенно быстрыми. И хотя привести строгие доказательства моей точки зрения невозможно, я все же сомневаюсь в том, что многие языки примитивных народов претерпели в соответствующий период времени столь же существенные изменения» (там же, с. 283).

Следует отметить, что с течением времени позиция Сепира несколько изменяется. Приведенная цитата взята из его доклада, сделанного в 1911 году. В его статье, опубликованной в 1933 году, можно прочесть: «Не существует никакой корреляции между культурным типом и языковой структурой» (там же, с. 242).

Бодуэн де Куртенэ, касаясь происходящих в языке изменений, отмечает, что они «постоянны и вечны, потому что причины, их вызывающие, постоянны и вечны» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. I, с. 249). Среди общих причин, вызывающих языковые изменения, он называет «бессознательную абстракцию, стремление к разделению и дифференцировке» (там же, т. I, с. 102) — причину, которая, как мы покажем далее, является одной из важнейших.

По мысли Бодуэна, наряду с изменениями колебательного характера языку присуще однонаправленное движение, обусловленное «объективным прогрессом человека как одного из звеньев природы» (там же, т. I, с. 349). Это движение Бодуэн называет прогрессом языка. Важнейшей «внутренней чертой этого прогресса является все более растущая абстрактность языка» (там же, т. I, с. 236). А она, в свою очередь, ведет «ко все большему одухотворению языка» (там же, т. I, с. 262).

Наша же позиция, если говорить предельно коротко, сводится к следующему. Культура человеческого сообщества существенно влияет на его язык. Однако это влияние весьма избирательно и касается, главным образом, уровня цивилизации сообщества и содержательной стороны языка. А именно: цивилизационная составляющая культуры, изменяющаяся вместе с прогрессом сообщества, предопределяет развитие содержательной составляющей языка (к ней мы относим совокупность как лексических, так и грамматических значений). Как мы постараемся показать, главным критерием прогресса социума является постоянное расширение осуществляемых в нем видов деятельности. Благодаря этому присущая социуму картина мира становится все более и более дифференцированной и системной. А это влечет постоянное пополнение содержательной составляющей языка новыми лексическими и грамматическими единицами, абстрактными, метафорическими и метонимическими значениями и пр. Далее в статье этот процесс подробно проиллюстрирован на примере племени пираха. Будет показано, что отсутствие или бедность многих лексических и грамматических средств их языка связано с недифференцированностью (синкретичностью) соответствующих фрагментов их картины мира. А эта синкретичность, в свою очередь, обусловлена предельно узким кругом видов деятельности индейцев, знаменующим начальный уровень прогресса племени.

Далее в разделе 2 дается общетеоретическая основа излагаемой точки зрения, а в разделе 3 — иллюстрация общих положений на примере анализа культуры и языка племени пираха.

2. О моделях деятельностного развития человека и этногруппы

2.1. Единая линия прогресса этнической группы. Уточним используемое в данной статье понятие этнической группы. *Этнической группой*, или, коротко, этногруппой, мы называем сообщество людей, объединенное общим языком, культурой и кругом *обыденных* (общепонятных) видов деятельности (мы оставляем без рассмотрения проблему этнического самосознания, которое обычно используется как критерий выделения этногрупп, так как это напрямую не связано с целями данной статьи).

Уровень прогресса этногруппы определяется качественным разнообразием видов деятельности, осуществляемых в этой группе. Начальный уровень прогресса характерен для *гомогенной* группы, в которой отсутствуют специфические, так сказать *профессиональные*, виды деятельности (например, гончарное производство). Такие виды деятельности осуществляют отдельные коллективы, используя при этом особый, профессиональный язык. В осуществлении *обыденных* (непрофессиональных) видов деятельности участвуют все члены этногруппы, используя при этом *обыденный* (общепонятный) язык. Примером гомогенной этногруппы может служить племя пираха. Этногруппы, в которых культивируются профессиональные виды деятельности, мы называем *гетерогенными*.

Введенные понятия тесно связаны с некоторыми понятиями теории Л. Моргана о едином пути прогресса человеческих сообществ (Морган, 1935). Эта теория пережила период своего расцвета во второй половине XIX века и сейчас редко упоминается в научных исследованиях. Тем не менее в ней, на наш взгляд, содержатся «зерна истины», и некоторые ее положения кажутся нам весьма плодотворными (не следует забывать, что она базируется на анализе этнографических сведений о множестве племен, обитающих на разных континентах, и что некоторые из этих племен были открыты во времена Моргана и находились еще в своем первоначальном виде).

Терминологическое замечание. Многие понятия моргановской теории периодов прогресса этногрупп вошли в научный аппарат современной антропологии, однако терминология Л. Моргана почти не используется. Одна из причин кроется в ее уничижительных коннотациях («дикость», «варварство»), невольно приписываемых многим архаичным племенам. Последующие периодизации были основаны на других критериях, акцент сместился с социальной структуры на более легко реконструируемую по археологическим данным материальную культуру сообществ (палеолит, мезолит, неолит и др.). Однако для наших задач систематика Моргана гораздо полезнее классификации современной социальной антропологии. Поэтому в нашей терминологии мы устраняем нежелательные коннотации, но сохраняем многие моргановские понятия.

В теории Моргана выделены три периода прогресса этногрупп («дикость», «варварство» и «цивилизация»), каждый из которых представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни (Морган, 1935). Для нас важны первые два периода, характеристики которых мы будем далее использовать:

- 1) «дикость» — начальный период прогресса, для которого характерны отсутствие частной собственности и равенство членов общества, и
- 2) «варварство» — последующий период прогресса, отмеченный появлением гончарного производства, земледелия, скотоводства, частной собственности и социальной иерархии.

Введенные выше понятия гомогенных и гетерогенных этнических групп соответствуют классификации Моргана: период «дикости» соответствует периоду гомогенности, а начиная с периода «варварства» этногруппа становится гетерогенной. На основе проделанного Морганом анализа можно сделать следующий вывод: переломным моментом, знаменующим качественно новый этап в прогрессе этногруппы, является ее переход из гомогенного периода в гетерогенный. Для гетерогенной этногруппы характерно наличие специальных, профессиональных видов деятельности, которыми занимаются лишь отдельные коллективы в этногруппе. Для гомогенного социума характерно отсутствие таких видов деятельности. Все виды деятельности относятся к сфере обыденной жизни, то есть

доступны для осмысленного участия практически любому ее члену.

Среди профессиональных видов деятельности, изменяющих структуру этногруппы, важнейшую роль Морган отводит гончарному производству. На первый взгляд, этот тезис выглядит странно. Почему именно гончарное производство оказывается столь важным, радикально меняющим статус группы? Ведь известно, и Морган поддерживает это положение, что по своему влиянию и последствиям величайшим из событий в истории человеческого опыта было начало производства железа.

Поясним нашу мысль. Во-первых, возникновение гончарного производства было само по себе важным завоеванием человека. Оно дало жаропрочную посуду для варки пищи, производившейся до того примитивным способом, в обмазанных глиной корзинах и в ямах, обложенных шкурами. При этом варка осуществлялась при помощи раскаленных камней. Начиналось гончарное производство с обмазывания деревянной посуды толстым слоем особого рода глины («толщиной в добрый палец») для защиты ее от действия огня. И только позднее обнаружилось, что глина и одна отвечает этой цели.

Во-вторых, и это самое важное, согласно Моргану (1935), гончарное производство во множестве случаев становится первым профессиональным видом деятельности, которым занимается не все племя, а лишь его небольшая группа. Именно с этого момента прежде гомогенное общество начинает социально и профессионально дифференцироваться и превращается в гетерогенное.

2.2. Племя пираха и гончарное производство.

Проведенный Д. Эвереттом анализ повседневной жизни индейцев показывает, что племя пираха находится в периоде гомогенности, в котором еще сохраняется равенство всех его членов и практически полное отсутствие частной собственности. Пираха уже владеют луком и стрелой, но еще не имеют ни гончарного производства, ни каких-либо других видов профессиональной деятельности — такой достаточно сложной деятельности, которая требует специальных навыков, знаний и языка общения и потому доступна далеко не всем членам племени. Охота, рыбная ловля, собирательство, приготовление пищи, плетение корзин, ручное прядение (практически в каждой семье есть «традиционная ручная прялка» (Эверетт, 2016, с. 95)), отдых у костра и пр. — все это виды обыденной деятельности, понятные в деталях всем индейцам, причем не только взрослым, но и подрастающим детям, которые приучаются к ним с раннего возраста. Ведь члены каждой семьи и охотятся, и ловят рыбу, и собирают в лесу плоды и корни, и плетут корзины, и участвуют в постройке новой хижины и т. д.

Гомогенному состоянию племени пираха соответствует язык, лишенный, как уже отмечалось выше, целого ряда типичных лексических и грамматических единиц: счетных слов; цветообозначающих имен (вместо них используются аналоговые выражения типа «подобный крови» (для красного цвета), «подобный траве после дождя» (для зеленого цвета)); лексических показателей времени типа *вчера, сегодня, завтра, утро, вечер, неделя, месяц*; страдательного залога и др. Ниже,

в разделе 3, мы подробно покажем, что отсутствие этих языковых средств обусловлено отсутствием среди видов деятельности индейцев пираха соответствующих практик. В их обыденной деятельности не используется счет; отдельные цвета не несут идентифицирующей функции, подобной цвету светофора; их жизнь не делится на привычные нам временные циклы, именуемые словами *утро, вечер, вчера, завтра* и подоб. (они спят урывками и днем, и ночью); в их быту не встречается действий, которые принято именовать страдательным залогом, и т. д.

Чтобы проиллюстрировать возможный путь появления в языке индейцев пираха отсутствующих лексических и грамматических единиц, представим мысленно, что в их племени появился первый вид профессиональной деятельности. Предположим, что большая семья индейцев пираха, следуя своим наиболее креативным членам, начала осваивать гончарное производство. Прежде всего у этой семьи и ее окружения появляется целый спектр новых взаимосвязанных действий: добывание подходящего вида глины, сбор ракушек, изготовление смеси глины и толченых ракушек, обмазывание этой смесью деревянной и плетеной посуды, высушивание ее в определенных условиях (с поливом водой и пр.), подсчет изготовленной посуды и ее хранение, прием заказов, обмен готовых изделий и т. д. Практически вся эта деятельность должна проходить в светлое время суток. Поэтому все семейство начинает жить в совершенно ином временном режиме, чем остальное племя: днем все работают, а ночью спят. Со временем ассортимент производимой продукции расширяется, появляются изделия разных форм и размеров; у приезжих торговцев приобретается краска, и производимая посуда раскрашивается в разные цвета; и т. д.

Очевидно, что вся эта деятельность становится важным внешним стимулом для концептуализации категорий счета, цвета, размера и времени. У членов семейства и связанных с их деятельностью членов племени появляется потребность в новых классах лексики — в названиях конкретных размеров и форм изделий (*большой, средний, маленький; круглый, плоский, глубокий...*), их количества (*два, три...*), раскраски (*зеленый, красный...*), времени изготовления (*вчера, завтра*) и пр.

Некоторые виды работ, будучи долговременными, уже не отвечают свойственному индейцам принципу непосредственности восприятия («здесь и сейчас», см. п. 3.7) — изменения протекают медленно и недоступны прямому наблюдению. Кроме того, часто неизвестен или неважен и производитель такой работы. Важно лишь знать ее текущее состояние — промежуточный или окончательный результат. А значит, возникает потребность в использовании пассива: *Ваш заказ выполняется, Миски будут готовы завтра* и подоб. Так возникают условия, при которых доминирующая роль принципа непосредственности восприятия в жизни индейцев начинает утрачиваться.

Как мы видим, при подобном развитии событий в племени появляются многие отсутствующие ранее практики, а вместе с ними возникают и языковые средства, необходимые для их освоения и описания.

2.3. Деятельностный рубикон. Уже этот короткий анализ показывает, что гончарное производство и его продукция могут оказывать непосредственное и многоаспектное влияние на жизнь и язык гончаров. Но сходное влияние они могут оказывать и на остальных членов племени, которые выбирают цвет и форму приобретаемых гончарных изделий, учатся пользоваться ими. Их представления о различных периодах суточного времени становятся более дифференцированными и т. д. Под влиянием языка гончаров расширяется и язык племени, пополняясь наиболее часто употребляемыми терминами, выражениями вежливости (практически отсутствующими в языке пираха, впрочем, см. статью А. Кибрика в настоящем выпуске журнала (Кибрик, 2018)) и пр. (подробнее этот процесс рассмотрен в п. 2.6). Таким образом, деятельностный прогресс этнической группы способствует непосредственному развитию и ее языка, и ее представлений об окружающем мире.

Мы видим, что появление в этногруппе профессиональных видов деятельности является, образно говоря, рубиконом, при переходе через который качественно изменяется ее ментальный мир. Ранее прогресс этногруппы сводился лишь к расширению видов обыденной деятельности, знаний о ней и описывающего ее обыденного языка. Поэтому все члены этнической группы одинаково смотрели на окружающий мир, его возможности и опасности. Теперь же — при появлении в этногруппе гончарного производства и других профессиональных видов деятельности, характерных для периода бесписьменной гетерогенности, — в ней появляются отдельные коллективы, у которых к общеэтническому представлению мира добавляется новое, так сказать аналитическое, представление о каких-то его аспектах. Оно отражает их опыт углубленного взаимодействия с этими аспектами, благодаря чему в их картине мира появляются новые элементы, отсутствующие у остальных членов сообщества. А это важнейшее социальное новообразование.

2.4. Минимальная модель деятельностного развития человека. В свете вышесказанного, мы будем рассматривать язык и мышление человека (прежде всего его ментальные репрезентации воспринимаемой действительности) не отдельно друг от друга, а в единстве с третьей составляющей — человеческой деятельностью. Как будет показано ниже, человеческая деятель-

ность, точнее, совокупность ее конкретных видов, осуществляемых человеком, служит одним из важнейших стимулов для развития человеческого мышления (представления знаний о мире) и языка. Иначе говоря, в центре нашего внимания будет система «мышление (представление мира) — виды деятельности — язык», в которой подсистема «виды деятельности» является главной, а подсистемы «мышление (представление мира)» и «язык» — дополнительными, способствующими успешной реализации конкретной человеческой деятельности (о взаимодействии этих подсистем у ребенка в процессе его онтогенеза см. нашу работу «Очерки эволюционно-синтетической теории языка» (Кошелев, 2017)). Поскольку ни одна из этих подсистем не может развиваться или эволюционировать, не взаимодействуя с двумя другими, изучать их следует только в рамках единой системы. Эту тернарную систему мы будем называть *минимальной моделью деятельностного развития* человека (далее — просто *моделью*), см. рис. 1а. Она позволяет изучать человека как единую деятельностную систему, находящуюся в процессе (на определенном этапе) своего развития. Минимальность предложенной модели состоит в том, лишаясь любой из своих подсистем, она перестает быть моделью человека в указанном выше смысле.

Совершенно аналогичную структуру имеет модель этногруппы (1b), складывающаяся из моделей ее членов. В ней виды деятельности представляют собой объединение видов деятельности отдельных членов группы, а представление мира и язык представляют собой усреднения — прототипы соответствующих подсистем отдельных членов этногруппы.

Замечание. Нетрудно усмотреть в моделях (1) некоторые общие черты с подходом Н. Я. Марра, который рассматривает звуковой язык совместно с мышлением и материальным производством. Не имея возможности углубляться в анализ подхода Марра, ограничимся несколькими характеризующими его цитатами: «Язык — создание коллектива в производстве. Нет ни одного слова, ни одной формы, ни одного звука, ни одного лингвистического явления, не прошедшего через осознание, созданное и нормировавшееся коллективным, в последствии массовым производством» (Марр, 1936, с. 271); «...Не только мысль и слово, т. е. язык и мышление, но оба они вме-

(1)

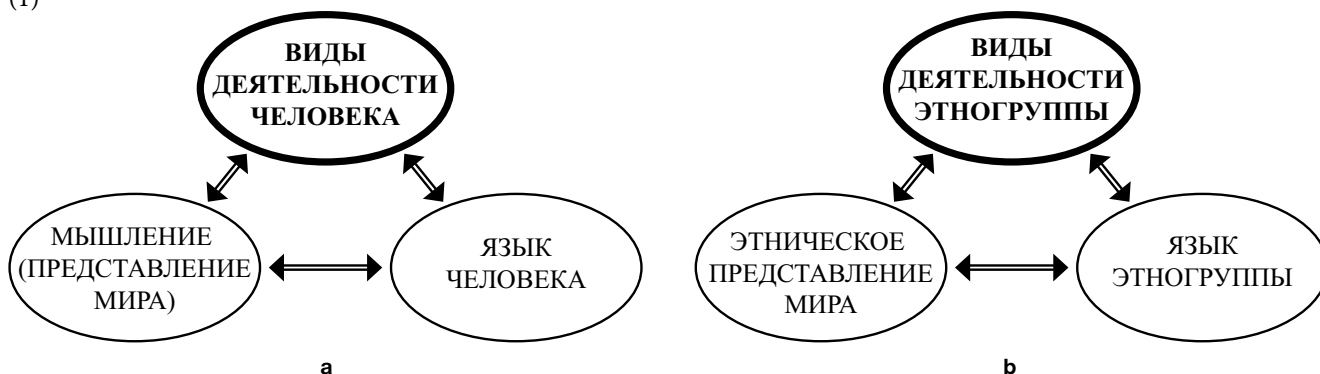

Рисунок 1. Минимальные модели деятельностного развития (а) человека и (б) этногруппы. Двусторонние стрелки обозначают взаимосвязи подсистем

сте с производством составляют единство» (там же, с. 459); «Само собою понятно, что... мышление с его техникой, как и язык, генетически связаны с производством» (Март, 1933, с. 280).

Различая исходно возникшую и «сотни тысяч лет» существовавшую линейную или ручную (жестовую и мимическую) речь, Март подчеркивает, что за это длительное время возникли предпосылки для создания звуковой речи, которая «вначале была также лишь частью трудового процесса, производственным языком. Лишь постепенно звуковой язык стал разговорным, представляя в своем древнейшем фонде перевод ручной речи» (там же; см. также Март, 1936).

2.5. Модель деятельностного развития человека: основные понятия. Опираясь на введенные модели, обсудим подробнее сказанное выше о гомогенных и гетерогенных группах. Все члены гомогенной этногруппы занимаются *обыденной деятельностью* — той устоявшейся, общепринятой совокупностью действий, которая постоянно ими осуществляется для непосредственного поддержания своей жизни. Эта обыденная деятельность обеспечивает насущные потребности членов общества в пище, жилище, безопасности, отдыхе, развлечениях и пр. Она охватывает весь спектр общепринятых бытовых действий и связанных с ними эмоциональных переживаний и физических усилий. Условимся называть совокупность ментальных представлений члена этногруппы, связанных с обыденной деятельностью (ее целями, порядком и деталями исполнения, промежуточными результатами и т. д.), *обыденным представлением мира, или обыденными знаниями*.

Далее важную роль будет играть различие двух типов знаний о какой-либо деятельности: а) практические (или процедурные) знания, опирающиеся на реальный опыт осуществления этой деятельности и обеспечивающие благодаря этому ее *понимание*, и б) теоретические знания — ментальные представления о том, как осуществляется данная деятельность, не подкрепленные реальной практикой ее осуществления (они сходны с декларативными знаниями). Примером может служить теоретическое знание, как ехать на велосипеде («сесть на него, оттолкнуться от земли и начать крутить педали, выбирая посредством руля нужное направление»), и практическое знание процесса езды, присущее велосипедисту. Для него характерно не полностью осознаваемое чувственно-моторное, или «телесное», понимание процесса езды, отсутствующее у обладателя теоретических знаний. Из сказанного выше ясно, что круг обыденных знаний относится к практическим знаниям.

С обыденными знаниями и обыденной деятельностью непосредственно связан описывающий их язык. Условимся далее называть этот язык *обыденным языком этногруппы*¹. Его адекватно используют и понимают все ее члены.

¹ Здесь нет возможности сопоставлять введенное нами понятие «обыденный язык» с известным в философии (и весьма неоднозначным) понятием «обыденный язык» (ordinary language), см., например, работы Г. Райла (Ryle, 1960).

Итак, обыденная жизнь члена группы осуществляется благодаря взаимодействию в нем мыслительного (знания), деятельностного и языкового компонентов модели (1а). Понятно, что у всех членов группы эти модели в целом одинаковы.

Оппозицию к обыденной деятельности составляет специфическая, или *профессиональная*, деятельность. Она осуществляется отдельным коллективом, обособленным от остальных членов этногруппы, с использованием особого, *профессионального*, языка и специальных понятий, не известных вне этого коллектива. Например, чаепитие относится к обыденной жизни привычного нам общества. Оно широко распространено, и этот процесс хорошо знает (понимает, чувствует) любой член общества. Участие знатоков чая в чайной церемонии — это уже специфическая деятельность, недоступная без специальной подготовки неискушенному любителю чая, требующая знания специальных терминов и особых приемов приготовления чая. Приготовление пищи, счет — это обыденная деятельность, а поварское искусство, бухгалтерские расчеты — специфическая, профессиональная деятельность. Она обычно представляет собой развитие какого-то вида обыденной деятельности, превращение ее в профессиональную деятельность, доступную уже далеко не всем членам общества.

Участники профессиональной деятельности обладают *профессиональными* знаниями об этой деятельности и практическим опытом в ее осуществлении. Так что типологически знания группы профессионалов аналогичны обыденным знаниям всего племени. В рамках своей профессиональной деятельности коллектив профессионалов создает на основе обыденного языка профессиональный язык. Тем самым, подобно обыденной жизни, профессиональная жизнь коллектива реализуется при взаимодействии тех же трех (но уже профессиональных) составляющих: знания, деятельности и языка. Обладая знаниями и деятельностным опытом, его члены адекватно понимают друг друга, общаясь посредством профессионального языка.

2.6. Пример: медицинская деятельность, и ее влияние на язык и мышление этногруппы. Чтобы пояснить развитие модели (1b) и взаимодействие ее компонентов, обратимся к сравнительно близкой аналогии — к деятельности какого-либо профессионального сообщества и роли профессионального языка в нем. Рассмотрим для примера сообщество профессиональных врачей и ученых-медиков и их медицинский язык. Каждый член этого сообщества владеет обыденным языком этногруппы, к которой он принадлежит, а также медицинским языком. Это особый язык, имеющий структуру обыденного языка, но специальный лексикон, содержащий термины, касающиеся устройства и функционирования человеческого тела, различных болезней, лекарств и пр., и некоторые специальные синтаксические конструкции. Кроме профессионального языка, член медицинского сообщества владеет совокупностью медицинских знаний, дополняющих обыденные представления человека о мире, и умением осуществлять некоторую медицинскую деятельность.

Важно подчеркнуть, что сообщество врачей не может существовать и развиваться в отсутствие хотя бы

одного из компонентов аналогичной (1а) модели медика — «медицинское представление человека — медицинская деятельность — медицинский язык». Тем более ни один из компонентов этой системы не может существовать и развиваться самостоятельно, в отрыве от двух других. Например, открытие ученым-медиком нового знания о человеческом организме (развитие медицинских представлений) сразу же получает описание на медицинском языке, возможно, с использованием новых терминов (развитие медицинского языка), и быстро становится достоянием медицинского сообщества. А это, в свою очередь, порождает новые методы лечения (развитие деятельности). Тем самым и медицинское сообщество развивается. И напротив, если по тем или иным причинам какие-то виды медицинской деятельности необоснованно сокращаются (запреты, прекращение финансирования), то выходят из употребления и забываются связанные с ними термины и медицинские представления. В медицинском сообществе наступает регресс.

Из этого примера ясно, что главным компонентом модели медика является медицинская деятельность. При ее осуществлении в долговременной памяти медика, например хирурга, формируются нейронные коды конкретных видов этой деятельности, которые накапливают моторный, чувственный и мыслительный опыт (подробнее об этих кодах см. Кошелев, 2017). В памяти же его ассистента, который помогает ему в процессе операции, но непосредственного участия в ней не принимает, такие нейронные коды не формируются. Таким образом, хирург обладает профессиональным знанием (медицинские представления о человеке, или декларативные знания) и чувственно-моторным, или «телесным», пониманием процесса операции (опыт медицинской деятельности, то есть синтезом декларативных и процедурных знаний), а его ассистент — только профессиональным знанием.

Подчеркнем еще раз: именно успешность медицинской деятельности является целью существования сообщества медиков. В этом плане два других компонента являются вспомогательными. Мышление является вторым по важности компонентом. Оно «прокладывает путь» к новым видам деятельности. Медицинский язык является третьим по значимости компонентом. Он активно участвует в формировании первых двух компонентов, поддерживая коллективное мышление и коллективную деятельность.

Отметим одну из важнейших функций языка, без которой развитие медицинского мышления было бы невозможным. Предположим, ученый медик обнаружил новую болезнь, не имеющую однозначной симптоматики (скажем, СПИД). Он называет ее новым термином и посредством медицинского языка начинает разъяснять его значение (сущность болезни) своим коллегам. Тем самым этот термин становится общепонятным в их среде. Без данного термина введенное им новое понятие — «болезнь СПИД» — нельзя было бы сделать достоянием других медиков, поскольку непосредственное указание на ее симптомы здесь не помогает. Таким образом, только термин «удерживает» это понятие, придает ему общезначимый статус. Заметим, что на начальном этапе развития медицинского сообщ-

ества, когда все болезни были, условно говоря, «сенсорными», то есть манифестировались в мышлении медиков своими наблюдаемыми симптомами, участие языка не было столь критичным. Оно становится таковым, когда появляются, так сказать, «функциональные» болезни, для идентификации которых одной симптоматики недостаточно.

Обратимся теперь к вопросу о влиянии группы профессионалов на остальных членов этногруппы (как на профессионалов в других областях, так и на «непрофессионалов»). Медики непосредственно взаимодействуют с ними как в рамках обыденной жизни, так и при осуществлении медицинских действий и потому оказывают на них многоаспектное влияние. Это касается всех компонентов модели (1а): языка, представлений о мире и деятельности.

Во-первых, расширяется лексикон обыденного языка. В него диффундируют некоторые термины медицинского языка, обретая при этом *псевдопрофессиональные* (упрощенные) значения, доступные непосредственному пониманию. Это болезни (грипп, ангина, туберкулез и др.), лекарства (горчичники, капли, таблетки, пилюли, микстуры и пр.), процессы лечения (поставить горчичники/капельницу, принять лекарство, наложить гипс, лечь на обследование и подоб.). Подчеркнем: глаголы, именующие эти процессы, употребляются в новых, «медицинских», значениях, не употреблявшихся ранее в обыденной речи. Например, глагол *принять* употребляется в медицинском значении 'поместить через рот внутрь организма лекарство для лечения'. Поэтому нормально сказать *принял порошок/таблетку/микстуру*, но нельзя сказать **принял стакан воды, *принял обед, *принял таблетку, чтобы протестировать ее*. Аналогично, можно сказать: *наложил повязку на шею*, но нельзя сказать **наложил шарф /галстук на шею; лечение наложением рук*, но не **приложением / *прикладыванием рук*.

Новое значение и статус идиомы получает выражение *ложиться на*. Можно сказать *ложусь на гемодиализ / на химиотерапию / на операцию / на обследование*. Однако, плохо сказать **ложусь на татуировку / на солнечные ванны*. Мы не скажем **ложусь на массаж*, если речь идет об одноразовом массаже на пляже. Однако это выражение корректно, если говорящий имеет в виду курс лечебного массажа. Точно так же выражение *ложусь на гипноз* корректно в ситуации лечебного гипноза и некорректно при демонстрации техники гипноза.

Во-вторых, в обыденный язык переходят также некоторые синтаксические конструкции и грамматические значения. К перечисленным выше можно добавить и другие. Например, естественно думать, что конструкции типа *тогда и только тогда, если и только если* пришли из математики, конструкция *I will speak the truth, the whole truth and nothing but the truth* (Я буду говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды) — из юриспруденции, конструкции типа *принимать перед едой по три раза в день в течение двух недель* — из медицины.²

² Приведенные примеры обнажают механизм (через новые профессиональные языки), посредством которого прогресс социума (расширение его профессиональных видов деятельности)

Новая составляющая языка (назовем ее *псевдо-профессиональной*) имеет самостоятельный статус. Она типологически отлична как от общепонятного обыденного языка, так и от медицинского языка.

Вместе с языком расширяются и другие компоненты модели (1а): знания и деятельность. Значения профессиональных терминов и выражений, «прижившихся» в обыденном языке, пополняют знания непрофессионалов о медицинских ситуациях. Условимся называть эти знания *псевдопрофессиональными*. В отличие от практических знаний (как обыденных, так и профессиональных), это — теоретические знания, не имеющие опоры на канонические медицинские действия. Будучи поверхностными коррелятами профессиональных знаний, они индивидуализированы и могут различаться у разных людей. К примеру, одни знают о лечении гриппа или ангины одно, другие — совсем другое, а третьи — практически ничего не знают.

Наконец, расширение набора понятий приводит к умножению и большей дифференциации связанных с ними видов деятельности: определение болезни по внешним симптомам, идентификация лекарств по цвету, форме, типу вещества (порошок, таблетка, капли, микстура), способы их приема (включающие время, регулярность и длительность приема), анализ воздействия и т. д.

Таким образом, все компоненты модели (1а) члена гетерогенной этнической группы дополняются псевдопрофессиональными составляющими:

- (2) Деятельность = обыденная + псевдопрофессиональная деятельность;
- (3) Представление мира = обыденные + псевдопрофессиональные знания;
- (4) Язык = обыденный + псевдопрофессиональный язык.

У профессионала, например медика, в правые части (2)–(4) добавляется еще профессиональная составляющая.

Дальнейший прогресс гетерогенной этногруппы — рост различных видов профессиональной деятельности — приводит ко все большей индивидуализации псевдопрофессиональных компонентов модели. Ввиду этого, вне обыденной деятельности и обыденного языка люди все хуже и хуже понимают друг друга, поскольку их псевдопрофессиональные знания являются теоретическими и индивидуализированными (подробнее об этом см. Кошелев, 2017).

Итак, главным критерием прогресса этногруппы является расширение видов ее деятельности. Это происходит при поддержке двух других развивающихся компонентов: мышления и языка.

Замечание. Сообщество профессионалов, например медиков, взятое само по себе и в начальный период своего существования, являет пример гомогенного профессионального социума, не имеющего внутри себя других специфических видов

деятельности. В этом плане данный социум представляет собой аналог гомогенного племени типа пираха и развивается сходным образом — путем расширения понятных всем медикам видов медицинской деятельности, медицинских понятий и языка. Затем, достигнув некоторого предела гомогенного развития, при котором еще «все все понимают», гомогенный социум начинает делиться на отдельные профессиональные группы, каждая из которых принимается углубленно изучать ту или иную частную проблему (онкологические заболевания, болезнь Альцгеймера и др.). Такая группа вырабатывает свои методы лечения, представления о болезни и характере ее протекания и свой язык. Другие медики теперь лишь поверхностно и фрагментарно, то есть «псевдопрофессионально» понимают этих своих коллег. Тем самым гомогенный социум медиков превращается в гетерогенный, повторяя путь развития исходно гомогенной этнической группы.

По мере развития гетерогенного социума в нем множатся профессиональные (в широком смысле) группы, которые постепенно все белее и более отделяются друг от друга (интеллектуально, социально, культурно). Представители разных групп по многим проблемам перестают понимать друг друга. Единственное звено, связывающее эти группы в единый социум и сохраняющее поле взаимного понимания, — это обыденный компонент их деятельности, языка и представлений о мире. Как только этот компонент утрачивается или становится несущественным, гетерогенный социум утрачивает целостность и распадается.

3. Общая теория развития и проблемы концептуализации языковых значений

Приведем анализ ряда конкретных примеров, выявляющих существование тесной связи между уровнем развития (разнообразием видов деятельности) этнической группы и ее языком.

3.1. Два принципа развития. В дальнейшем анализе важную роль будет играть общая теория развития, восходящая к фундаментальному труду Г. Спенсера «Основания биологии» (Спенсер, 1899). Она базируется на двух принципах, сформулированных Спенсером (см. также Сеченов, 1952; Соловьев, 1988; Werner, 2004; Чуприкова, 2007; Кошелев, 2011).

Согласно первому принципу развитие некоторой целостности (социума, живого организма или его целостного компонента) состоит в преобразовании этой целостности в систему ее взаимосвязанных компонентов. Такое преобразование осуществляется в два этапа: сначала целостность дифференцируется на несколько самостоятельных компонентов, а затем эти компоненты интегрируются в систему, аутентичную по своей функции исходной целостности.

Согласно второму принципу такое развитие обусловлено взаимодействием двух факторов: внутренне-

производит прогресс языка, то есть развитие его содержательной составляющей — лексических и грамматических средств. Кроме того, они иллюстрируют мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что прогресс языка проявляется в росте его абстрактности, см. п. 1.2.

го (генетического) и внешнего, или средового (влияния извне). Говоря словами И. М. Сеченова, который в своей работе «Элементы мысли» (Сеченов, 1952) развил и детально проиллюстрировал этот принцип Спенсера, «*всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов — определенной, но изменяющейся (нервной. — А. К.) организации и воздействия извне*» (там же, с. 288; курсив автора. — А. К.).

Проиллюстрируем действие указанных принципов на примере развития синкретичного представления предмета³ в иерархическую структуру его признаков и их значений. Этот процесс проходит через два последовательных элементарных цикла развития (обозначаются значком \diamond). Первый цикл делит синкретичное представление предмета на отдельные признаки (общие свойства): Цвет, Форма, Вес и др. Каждый признак представляет собой синкретичный спектр недифференцированных значений: признак Цвет не разделен на палитру прототипичных цветов и т. д.

Второй цикл делит каждый признак на множество значений (конкретных свойств, или адъективных концептов). Признак Цвет дифференцируется на значения ЗЕЛЕНЫЙ, КРАСНЫЙ..., Форма — на КРУГЛЫЙ, КУБИЧЕСКИЙ, Вес — на ЛЕГКИЙ, ТЯЖЕЛЫЙ..., и т. д. (в отличие от признаков, их значения мы обозначаем именами с прописными буквами). В результате, ментальное представление предмета получает вид трехуровневой иерархической структуры:

(5)

а. Синкретичный (целостный) концепт	ПРЕДМЕТ		
	\diamond		
б. Признаки:	(Цвет,	Форма	Размер, ...)
	\diamond	\diamond	\diamond
с. Их значения:	(КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый...)	(КРУГЛый...)	(МАЛЕНЬКИЙ, БОЛЬШОЙ...)

В ней на первом уровне (5а) дано синкретичное представление предмета, на втором (5б) — его представление в виде совокупности признаков: Предмет = (Цвет, Форма, Размер,...), а на третьем (5с) — каждый признак представлен совокупностью своих конкретных значений: Цвет = (КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый...) и т. д.

Таким образом, синкретичное представление предмета трансформируется в иерархическую систему его признаков и их значений.

По-видимому, дифференциация предметного представления на признаки формируется у ребенка до полуторалетнего возраста, поскольку примерно с полутора лет он уже различает формы предметов, то есть разные значения признака Форма (Landau et al. 1988; Markson et al. 2008), а также значения некоторых дру-

гих признаков: конкретный размер, вес, фактуру и др. (Бауэр, 1985).

Свидетельством появления в ментальных представлениях ребенка конкретных форм предметов служит тенденция, получившая название «предпочтение формы» (shape bias) (Landau et al., 1988). Она может быть обнаружена у детей с 18 месяцев; ср. ее описание в статье Л. Марксона с соавторами: «Когда дети усваивают имя нового объекта, они имеют тенденцию распространять это имя на другие объекты такой же формы — этот феномен получил название *предпочтение формы* (shape bias)» (Markson et al., 2008, p. 204)⁴.

Разумно предположить, что в этой совокупности Форма становится главным признаком, представляющим объемный предмет, а остальные признаки — дополнительными к ней, поскольку они локализируются в ней и дополняют ее до полного предмета. Тем самым объект представляется в виде иерархической системы своих конкретных свойств (значений признаков), ср. мысль Г. Мура (G. E. Moore) о том, что, в отличие от предикативных прилагательных типа *good*, прилагательные типа *yellow* обозначают естественные свойства (natural properties), из которых, как из частей, строятся объекты (см. Вендлер, 1981).

3.2. Концептуализация в сознании ребенка цветовых и других свойств. Наша ближайшая цель — объяснить отсутствие в языке пираха цветообозначающих слов. Для этого сначала необходимо понять закономерности усвоения детьми прилагательных. Здесь наблюдается один весьма примечательный парадокс. В отличие от существительных и глаголов, которые ребенок почти сразу научается использовать семантически правильно (согласно некоторым данным, категории и имена предметов ребенок начинает усваивать с 12 месяцев, а категории и имена действий — на 2–3 месяца позже (Xu, Carey, 1996; Xu, 2007; Waxman, 2008)), семантически правильное употребление прилагательных приходит к ребенку не сразу.

Хотя прилагательные появляются в активном лексиконе ребенка уже с полутора лет, первое время он употребляет их без какой-либо опоры на их значение, лишь имитируя речь окружающих (Blackwell, 2005; Воейкова, 2011). Причем первичное представление о семантических признаках, или разрядах (Цвет, Размер), «обнаруживается раньше, чем различение однородных свойств внутри каждого разряда» (Цейтлин, 1996; цит. по Воейкова, 2011, с. 114–115). Так, ребенок быстро перестает путать разнородные прилагательные, например *кислый* и *большой*, но долго продолжает путать однородные прилагательные, называя большой предмет маленьким и подоб., ср.: «Филипп может употребить название одного цвета вместо другого... он может сказать также *плохой* вместо *хороший* или *большой* вместо *маленький*. Иными словами, ребенок редко говорит *плохой* вместо *зеленый*, но может перепутать *плохой* и *хороший* или *зеленый* и *красный*» (Воейкова, 2011, с. 218), см. также (Andrick, Tager-Flusberg, 1986; Ebeling, Gelman, 1990; Gasser, Smith, 1998; Цейтлин, 1996).

³ Термином *синкретичность* мы обозначаем недифференцированность ментальной репрезентации предмета, ее неразделенность на отдельные компоненты (свойства или части). Ср. в связи с этим приводимое Т. Бауэром описание «примитивного единства сенсорных модальностей», позволяющее воспринимать предмет как «нерасчлененное целое» без «дифференциации зрительных качеств предмета от их тактильных качеств» (Бауэр, 1985, с. 140–144).

⁴ «When children learn the name of a novel object, they tend to extend that name to other objects similar in shape — a phenomenon referred to as the shape bias.» (Markson et al., 2008, p. 204).

Хорошо известно, что ребенок начинает различать цвета предметов (своих игрушек) не позднее полутора лет (см., например, экспериментальные исследования Г. Л. Розенгарт-Пупко, 1948; 1963). Тем не менее детям требуется еще по меньшей мере год, чтобы научиться семантически правильно употреблять цветообозначающие прилагательные (см. Andrick, Tager-Flusberg, 1986; Цейтлин, 1996, с. 5–7). С особым вниманием данный феномен рассматривается в работе М. Д. Воейковой:

«Еще Ч. Дарвин в наблюдениях за языковым развитием своих детей отмечал, что они употребляли первые цветковые прилагательные настолько неадекватно, что в течение некоторого времени он считал их дальтониками (см. об этом [Bornstein 1985: 387–388]) <...> Необходимость в подробном изучении ранних прилагательных продиктована тем, что они составляют целую группу слов, употребляемых детьми не просто ошибочно, но и необъяснимо, без всякой связи с реальными свойствами предметов... <...> Для детей характерна следующая черта: рано понимая, к каким семантическим классам относятся прилагательные, они не различают значения прилагательных внутри этих классов... ребенок редко говорит *плохой* вместо *зеленый*, но может перепутать *плохой* и *хороший* или *зеленый* и *красный*. <...> Указанные явления характерны как минимум для ряда индоевропейских языков, можно предположить, что они наблюдаются в большинстве языков, где имеется развитая система имен прилагательных [Dixon 1982; 2004]» (Воейкова, 2011, с. 217–218).

Налицо парадокс: с одной стороны, дети в полтора года различают конкретные цвета предметов, с другой стороны, они в течение последующего года оказываются не способными правильно называть цвета соответствующими прилагательными. И это при том, что правильные употребления цветообозначающих прилагательных ребенок слышит постоянно.

Объяснение данного парадокса связано, на наш взгляд, с рассмотренным выше двухэтапным процессом формирования системного представления предмета, см. схему (5). На первом этапе (до полутора лет) у ребенка, в его (синкретичном) представлении предмета, начинают вычленяться отдельные сенсорные признаки: Форма предмета, его Цвет, Размер и т.д., см. уровень (5b) схемы. С этого момента ребенок уже не путает разнородные прилагательные типа *зеленый* и *маленький*, поскольку в их значениях появляется характеристика признака (Цвет или Размер). Но конкретных признаков характеристик — **ЗЕЛЕНЫЙ** или **МАЛЕНЬКИЙ** — в их значениях еще не содержится, поскольку сами признаки пока остаются синкретичными, не дифференцированными на эти конкретные составляющие. Поэтому ребенок может путать прилагательные *зеленый* и *красный*, *маленький* и *большой*.

Затем (второй этап) в каждом из признаков начинают дифференцироваться отдельные значения — концепты **КРАСНЫЙ**, **ЗЕЛЕНЫЙ**..., **БОЛЬШОЙ**, **МАЛЕНЬКИЙ** и др., см. уровень (5c) схемы (5). Теперь они включаются в значения соответствующих прилагательных, и дети перестают их путать. По дан-

ым М. Д. Воейковой (2011), семантические ошибки в употреблении цветковых прилагательных в речи детей прекращаются после 2.5 лет (см. также Цейтлин, 1996). Данный факт позволяет заключить, что к этому времени значения признака Цвет у детей дифференцируются и обретают самостоятельный статус (о дальнейшем развитии представления о свойствах предмета и, в частности, о разделении конкретного цвета на оттенки см. Кошелев, 2011).

В полной мере все сказанное относится и к признаку Размер. Об этом косвенным образом свидетельствует тот факт, что ребенок при усвоении слов *большой* и *маленький* некоторое время пугает их точно так же, как он пугает употребление цветообозначающих слов. Примечательно, что повреждение головного мозга у взрослого человека может приводить к регрессии — утрате в ментальном представлении человека некоторых вычленившихся и ставших самостоятельными свойств. Однако способность пользоваться их более архаичными синкретичными коррелятами сохраняется. Например, пациент с поражением коры головного мозга успешно забрасывал мяч в любую из трех коробок, расположенных на разном расстоянии от него, но не мог сказать, какая коробка является ближайшей к нему, а какая — самой далекой (Goldstein, Scheerer, 1941). Выделившееся значение признака Удаление (конкретное расстояние до предмета) у него утратилось, но восприятие расстояния до коробки — как синкретичный компонент ее целостного восприятия — сохранилось. Другая пациентка с поражением базальных отделов височных долей безошибочно схватывала пальцами руки предметы разной величины, но не могла развести большой и указательный пальцы, чтобы показать величину схваченного предмета (Goodale et al., 1991; см. также Чуприкова, 2015).

3.3. Влияет ли язык ребенка на процесс дифференциации? Примерно с 12 месяцев ребенок начинает говорить. В ряде работ (Waxman, Braun, 2005; Fulkerson, Waxman, 2007; Waxman, 2008; Xu, 2002) была установлена тесная связь между именованием и категоризацией не только у 12-месячных, но и у 6- и даже 4-месячных младенцев. А именно: если манипуляции ребенка с игрушками сопровождаются названием этих игрушек, процесс предметной категоризации у него идет быстрее⁵. Основываясь на этом факте, некоторые исследователи (S. Waxman, F. Xu) стали говорить о доминирующем влиянии речевого развития младенца на его когнитивное развитие: «...Слова служат *побудительными стимулами* к образованию категорий» (Waxman, 2008, р. 101) (курсив автора. — А. К.). Между тем имеются данные, свидетельствующие о самостоятельном, влинейстическом характере процесса детской категоризации. С. Пинкер, не соглашаясь с доминирующей ролью имен, ссылается на эксперименты, проведенные с обезьянами (макаками резус) (Hauser, 2000; Santos et al., 2002). В них было установлено, что у годовалых детенышей обезьян формируются категориальные

⁵ Категоризация у младенцев ускорялась даже в том случае, когда для обозначения объектов использовались различные псевдослова (звуковые комплексы, лишённые смысла). Напротив, они терпели неудачу, когда оба объекта были названы словом *игрушка* (*a toy*), или двумя различными однотонными звуками, или двумя разными эмоциональными (но бессловесными) восклицаниями (Waxman, 2008; см. также Rivera, Zawaydeh, 2006; Xu, 2007).

классы, «как у вас или у меня... хотя обезьяны, конечно, не знали ни слова по-английски» (Пинкер, 2013, с. 174)⁶.

С. Воксмэн (Waxman, 2008) также показала, что слово *фиолетовый* не может способствовать созданию категории на основе обозначаемого им цвета подобно тому, как конкретное существительное способствует созданию категории на основе обозначаемой им формы. Ни в 12, ни в 14 месяцев классы фиолетовых предметов у младенцев не формировались (это было обнаружено в той же серии экспериментов).⁷ И это при том, что 12-месячные младенцы при различении предметов используют различия в их цвете, во-первых, используют различия в их цвете (Wilcox, 1999) и, во-вторых, слыша прилагательное *фиолетовый*, обращают внимание на фиолетовые объекты (Waxman, 2008).

Данный факт дает основание для следующих двух предположений. Во-первых, в представлении ребенка этого возраста признак Цвет еще не вычленился из синкретической смеси предметных признаков, поэтому конкретные цвета не могут пока концептуализироваться. Во-вторых, в таких условиях (без начальной и сугубо когнитивной дифференциации) лексика — воспринимаемые ребенком прилагательные — не способна побудить вычленение соответствующих цветовых значений и начать формирование на их основе новых классов предметов. Воспринимаемые младенцем слова могут ускорять дифференциацию значений лишь для тех признаков, которые уже начали обособляться в результате его сугубо когнитивного развития.

Если же способствующие этому факторы внешней среды (деятельностные и речевые практики) отсутствуют, то развитие концептуальной системы ребенка, по-видимому, останавливается на синкретическом уровне. Как мы постараемся показать, именно это и происходит в обыденной жизни племени пираха.

3.4. Цветообозначения в языке пираха. Роль цвета в жизни современных европейцев и индейцев пираха. Как пишет Д. Эверетт, индейцы пираха

«видят цвета вокруг себя так же, как и мы. Однако они не обозначают видимый цвет отдельными словами, которые жестко привязаны к определенным обобщенным представлениям о цвете. Они описывают цвет целыми фразами. <...> ...Их перевод такой: „кровь грязная“ — черный; „оно видит“ или „оно прозрачное“ — белый; „оно как кровь“ — красный; „оно незрелое“ — зеленый» (Эверетт, 2016, с. 132).

Вообще говоря, в таком, аналоговом, именовании цвета нет ничего необычного. В русском языке неред-

ки подобные именованья: *цвет морской волны*, *рубиновый цвет* и пр. Необычно другое: в языке пираха нет *непосредственных* имен для прототипических цветовых значений типа «красный» и «зеленый». Упомянем в связи с этим кросс-культурную теорию цветовых концептов Б. Берлина и П. Кея (Berlin, Kay, 1969), основанную на понятии базового цветового термина (basic color term) — монологического имени цвета (*red, green* и др.), обозначающего такую базовую категорию, прототипический цвет которой одинаков для разных этнических групп. Подытоживая анализ цветовых терминов языка племени дани, проведенный Э. Рош (Хайдер), Дж. Лакофф подчеркивает, что пример прототипического цвета имеет статус «лучшего примера» в такой категории (Лакофф, 2004).

Отсутствие в языке пираха базовых цветовых терминов дает основание предположить, что цветовые значения признака Цвет остаются в ментальных представлениях пираха синкретичными, не разделенными. Казалось бы, у них тот же «лучший пример» прототипа красного цвета — кровь, — что и у нас с вами. Но, по-видимому, этот прототип не обрел в их представлениях самостоятельного статуса, независимого от этого «лучшего примера». Кровь не иллюстрирует центральный красный цвет, а задает его. Прототип в представлении пираха выделяется из спектра «красный» не сам по себе, а только потому, что связан с примером «кровь». Но в таком случае этот прототип и не может получить отдельного монологического имени.

Почему же трансформация синкретичного признака Цвет в цветовую палитру — набор самостоятельных цветовых прототипов КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый и др., свойственный европейскому ребенку, — у ребенка пираха не происходит? Ведь вычленение признака Цвет у него осуществляется. Логика предшествующих рассуждений дает основание предположить, что у детей пираха не наступает второй цикл развития, обеспечивающий дифференциацию различных значений признака Цвет. Причина, как можно предположить, заключается в отсутствии у них необходимого внешнего фактора, прежде всего, соответствующих цветовых практик — обыденных взаимодействий с отдельными цветовыми прототипами.

В самом деле, у детей современных индустриальных обществ имеются по меньшей мере два внешних фактора, стимулирующих дифференциацию конкретных цветов. Во-первых, это активная деятельность ребенка по выбору предмета по его цвету. Цвет необычайно информативен в их мире, изобилующем артефактами с произвольными цветами. У ребенка может быть несколько одинаковых игрушек, предметов одежды и обуви, конфет, шахматных фигур и пр., различающихся только цветом. Цвет также нередко несет конвенциональную символическую функцию (светофор). Кроме того, рисуя цветными карандашами и акварельными красками, ребенок сам выбирает цвет рисуемого объекта. Во-вторых, это цветообозначающие прилагательные *красный, зеленый* и др., которыми окружающие люди постоянно называют как цвета видимых детьми предметов, так и фрагменты их многоцветной раскраски: *в красную полосу, в зеленый горошек* и пр.

⁶ И С. Воксмэн в более поздней статье (Ferry et al., 2010) признала возможность независимого от усвоения имен формирования у ребенка первичных категорий.

⁷ Ср.: «Как и прогнозировалось, в 14-месячном возрасте младенцы соотносили новые имена исключительно с общими признаками, лежащими в основе категории (но не в основе одинаковых качественных свойств). Напротив, их ожидание в отношении новых адъективов все еще носило общий характер, широко направляя внимание на оба типа обобщающих признаков» (As predicted, 14-month-olds extended novel nouns specifically to category-based (and not property-based) commonalities. In contrast, their expectation for novel adjectives was still quite general, directing attention broadly to both kinds of commonalities (Ibid., p. 105)).

В мире ребенка пираха все иначе. Их окружают природный мир со своими естественными и неизменными (или закономерно меняющимися) красками. Артефактов, имеющих случайный цвет, очень мало (простейшие предметы одежды, инструменты и подоб.). Да и их индейцы не выбирают, а получают (выменивают) более или менее случайным образом. И даже в тех случаях, когда цвет является информативным, например, зеленый цвет свидетельствует о незрелости, он, как правило, не является единственным критерием. Если в магазине могут продаваться, скажем, зеленые бананы, то у индейцев пираха плоды собираются лишь в созревшем состоянии, когда они утрачивают зеленый цвет. И незрелость плодов видна не только по их цвету, но и по другим признакам: цвет и состояние листьев дерева, спелость других плодов, созревающих одновременно с ними и пр. Кроме того, у индейцев пираха совершенно отсутствует склонность к рисованию, включая традицию наносить на свое тело символические узоры (Эверетт, 2016). Наконец, отсутствует и второй — лексический — фактор, поскольку в языке пираха нет монолексических коррелятов прилагательных *красный, зеленый* и подоб., напрямую именующих цвета.

Таким образом, есть основания предполагать, что отсутствие цветовой практики в обыденной деятельности индейцев пираха препятствует дифференциации у их детей синкретичного спектра признака Цвет, его трансформации в цветовую палитру — набор отдельных прототипов — концептуальных значений для цветообозначающих имен. А потому и сами имена не могут появиться. И напротив, возникновение таких прототипов стимулирует образование для них лексических имен.

Логика проведенных рассуждений подтверждается следующим фактом. В европейских языках существует множество аналоговых обозначений для названия различных цветовых оттенков: *аметистовый (amethyst), бронзовый (bronze), медный (copper), морковный (carrot), каштановый (chestnut), шоколадный (chocolate), янтарный (amber)*. Как мы видим, они совершенно аналогичны цветообозначениям в пираха или, скажем, в языке вальбири: *yalyu-yalyu*, в буквальном смысле 'кровь-кровь', а фактически 'выглядит как кровь', *yukuri-yukuri* ('трава-трава', или 'выглядит как трава после дождя') и подоб. (Wierzbicka, 2008, p. 410). Разумно полагать, что эти обозначения и объясняются аналогично: в обыденной жизни европейца нет практик работы с этими оттенками. Поэтому они и не концептуализировались в его цветовой палитре.

Однако в сообществах современных художников или модельеров, в деятельности которых эти оттенки цветов играют важную роль, они могут выделиться в самостоятельные прототипы, пополняя тем самым набор основных цветов. И тогда их имена могут обрести статус базовых терминов. К примеру, в среде модельеров могут использовать название «фисташковый» (грязновато-зеленый) цвет непосредственно, не зная, что исходно это цвет зерен фисташковых орехов. И тогда прилагательное *фисташковый* станет базовым термином цвета для международного сообщества модельеров.

3.5. Лексические показатели времени. Двухэтапный процесс усвоения детьми значений цветообозначающих прилагательных характерен и для других групп слов, обозначающих различные (альтернативные) значения какого-то признака (общего свойства). Например, ранее мы уже отмечали, что дети путают показатели времени *вчера/завтра*: *Мы завтра ходили в лес* (Настя, 2 года 4 месяца), *Я к бабушке вчера поеду* (Воейкова, 2011, с. 115–116, 173). Объяснение этих ошибок аналогично: дифференциация признака «Ненастоящее время» от признака «Настоящее время» у ребенка уже произошла, а различение его значений — 'прошедшее-вчера' и 'будущее-завтра' — еще нет. Однако она не заставит себя ждать, поскольку мотивируется каждодневным опытом ребенка — суточным циклом, в котором эти понятия строго отделяются от «сегодня», и лексикой (он постоянно слышит слова *вчера* и *завтра*). Но в ментальном мире индейцев пираха соответствующие понятия отсутствуют. Их жизнь не делится на суточные циклы, ср.:

«Пираха спят урывками (от пятнадцати минут до двух часов) и днем, и ночью. Всю ночь в селеении стоит гул голосов. <...> Поскольку в разные часы дня и ночи ловится разная рыба, индейцев можно застать за рыбалкой круглые сутки. Это значит, что день и ночь не так различны между собой, как у нас, — разве что видимостью. Индейца можно увидеть за рыбалкой хоть в три утра, хоть в шесть, хоть в три часа дня. <...> Если кто-то принесет улов в три часа ночи, то тогда же рыбу и съедят: все встанут тут же, как только рыболов вернется. <...> Индейцы встали (они пили кофе в хижине Д. Эверетта. — А. К.) и ушли на рыбалку: пришла их очередь, потому что другая смена только что вернулась в селение и можно было взять лодки» (Эверетт, 2016, с. 92, 93, 286).

Поэтому в языке пираха в принципе не может быть прямых коррелятов столь привычных нам лексических показателей времени, как *вчера, сегодня, завтра, утро, вечер, неделя, месяц* и подоб. В то же время в этом языке имеются другие показатели времени, по своей наглядности вполне соответствующие аналоговым цветообозначениям пираха: *hisó* «в течение дня ('на солнце')», *hisógiái* «полдень ('солнце большое/сильное')», *piúáiso* «низкая вода временная», *piibigáiso* «высокая вода временная», *kahai'ái* «огісо» «полная луна временная», *hibigibagá'áiso* «заход/восход», *'ahoakohoihió* «раннее утро ('перед восходом')» (Everett, 2005, p. 631). Все они суть абсолютные характеристики периодов времени, доступные прямому распознаванию по внешним признакам. В языках средневропейского стандарта есть и относительные, и абсолютные показатели времени. Например, слова *утро (morning)* и *вечер (evening)* обозначают относительные периоды времени (в ряду периодов: «ночь», «утро», «день», «вечер») и не имеют прямых визуальных маркеров. А показатели *восход/заход (sunrise/sunset)* называют визуально идентифицируемые периоды времени. Это же верно и в отношении русских показателей *раннее утро* и *поздний вечер*, ср. также пары: время прилива — *piibigáiso* «вы-

сокая вода временная», время отлива — *piáiso* «низкая вода временная», полдень — *hisóogiái* «полдень (солнце большое/сильное)».

Итак, в языке пираха есть только абсолютные темпоральные показатели, а в языках средневропейского стандарта имеются и абсолютные, и относительные показатели.

3.6. Счет и счетные слова. Отмечая отсутствие числительных в языке пираха, Эверетт пишет:

«Сначала я думал, что в языке пираха есть слова „один“, „два“ и „много“, что не редкость среди языков мира. Но потом я понял, что те слова, которые я и предыдущие исследователи принимали за числительные, означают только относительно большее или меньшее количество. <...> ...Я увидел, что они используют слово, которое я принимал за „два“, когда говорят о двух маленьких рыбах или об одной умеренно крупной рыбе, что подтверждало мою мысль о том, что эти „числа“ просто указывают на относительную величину: две маленькие или одна средняя рыба примерно равны по объему, но в любом случае меньше, чем крупная рыба, что и заставляет использовать специальное „числительное“» (Эверетт, 2016, с. 129–130).

Это наблюдение Эверетта позволяет предположить, что у индейцев пираха сформировались лишь первичные представления о категории «количество»: *hói* 'небольшое количество', *hoi* 'большое количество', *xogió* 'все или почти все' и др. Но их дальнейшая дифференциация на конкретные множества — значения признака Количество, которые обозначаются счетными словами, — у них не наступила. Этот факт кажется совершенно закономерным, поскольку в своей повседневной жизни индейцы пираха вообще не используют счет, ср.: «Когда я стал наблюдать за ними пристальнее, я увидел, что они никогда не считают ни на пальцах, ни на других частях тела, ни с помощью счетных предметов» (там же).

Генетически обусловленные задатки способности к счету у человеческих младенцев, безусловно, есть (см., например, Иванов, 2008), но внешний фактор — отсутствие практики счета — тормозит ее развитие. Заметим, что именно отсутствие такой практики (а не счетных слов) служит главным свидетельством отсутствия у пираха концептуализаций конкретных количеств (множеств), (см. также Frank et al., 2008, где экспериментально показывается, что счетные слова не меняют наши ментальные представления о числе, но служат инструментом для работы с большими множествами). Например, племя австралийских аборигенов вальбири пользуется счетом, несмотря на то что система числительных в их языке крайне скудна (Эверетт, 2016). Эта, казалось бы, парадоксальная ситуация вполне объяснима. Она возникает при жестовом счете, использующем пальцы рук (и ног или других частей тела), ср.:

«В развитии коммуникации ребенка и в реконструированных праязыках многих семей языков пальцевые жесты выступают в качестве символов

соответствующих чисел, что можно считать универсальной чертой естественных языков, где, как правило, числительное 5 означало некогда „одна рука“, 10 — „обе руки“ и т. п. <...> ...Нейропсихологи приходят к выводу о том, что язык и математика не зависят друг от друга, и к звучащему на лад Платона утверждению, согласно которому понятие числа возникает раньше, чем соответствующее ему слово [Varley et al. 2005; Brannon 2005; Dehaene 2007] <...> Можно предположить, что это раннее понятие числа сперва воплотилось в жесте и потом лишь — в слове» (Иванов, 2008, с. 5–7).

Необходимость счетной практики подтверждается анализом счетных слов у племени охотников-собирающих мундуруку (Mundurukú), также обитающем в бассейне Амазонки. Как отмечается в статье (Pica et al., 2004), у них больше счетных слов, чем у пираха: от одного до пяти. Однако индейцы мундуруку словами «три», «четыре» и «пять» называют не только точные, но близкие к ним количества, поскольку выбирают эти слова на основе интуитивных оценок, без точного подсчета (там же). При этом некоторые из них умеют считать точно (медленно и невербально с помощью пальцев руки или ноги). Однако они редко этим пользуются, поскольку не имеют (как и пираха) практической потребности в точном счете (там же). О связи счета и счетных слов см. также в статье А. А. Кибрика (2018) в настоящем выпуске журнала.

Подчеркнем: процесс усвоения различных количеств детьми также складывается из двух этапов. Сначала в их ментальных представлениях вычленяется признак Количество, а затем — его значения — конкретные множества. Об этом свидетельствует процесс усвоения ребенком счетных слов, совершенно аналогичный процессу усвоения цветообозначающих слов. Первоначально в детских высказываниях «числительные» появляются перед именем существительным, но в целом конструкция лишь напоминает сходные по функции высказывания взрослых, так как реальное количество предметов не соответствует тому, которое названо» (Воейкова, 2011). Лишь позднее ребенок научается правильно называть требуемое количество.

3.7. Отсутствие страдательного залога (пассива). Согласно Д. Эверетту, культура индейцев пираха базируется на принципе *непосредственности восприятия*. В соответствии с этим принципом, достоверным знанием для индейцев являются знания о событиях, полученные ими в результате непосредственного наблюдения или личного опыта, а также рассказанные очевидцами. Практически все интересы и все внимание индейцев фокусируется на том, что происходит «здесь и сейчас», ср.:

«...Пираха не хранят пищу, не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое — они сосредоточены на том, что есть сейчас, на непосредственно воспринимаемом мире. <...> Пираха просто концентрируются на том, что непосредственно их окружает... Им не нужна истина как некая извечная реаль-

ность. Эта идея не имеет никакой ценности для них. Истина для них — это поймать рыбу, грести в лодке, смеяться вместе с детьми, любить своего брата, умереть от малярии» (Эверетт, 2016, с. 143, 295).

По мнению Эверетта, этот принцип предопределяет не только бытовые и культурные стороны жизни индейцев (бедность их ритуалов и устного фольклора, отсутствие художественного вымысла и т. д.), но и специфические черты их языка, в частности отсутствие рекурсии (см. Futrell et al., 2016).

Принимая в целом эту точку зрения, приведем один согласующийся с ней пример. Покажем, что отсутствие пассива в языке пираха связано с принципом непосредственности восприятия. Для обоснования этого тезиса мы будем опираться на когнитивный подход к толкованию залоговых значений (подробнее о нем см. Кошелев, 2016). Его сущность состоит в том, чтобы представлять видимую, наблюдаемую ситуацию посредством когнитивных компонентов, подобных компонентам, выделенным Л. Талми (Фигура, Путь и др.), описывающим ситуацию движения.

Приводимый ниже анализ основан на русскоязычном материале и носит иллюстративный характер. Его цель — показать, что значение страдательного залога весьма абстрактно. В отличие от значения действительного залога, непосредственно отражающего наблюдаемое действие (Агенс — главный участник действия — назван существительным-подлежащим и пр.), оно отражает весьма специфическую интерпретацию этого действия (существительным-подлежащим назван пассивный участник действия, а Агенс — существительным в инструментальном значении). Ввиду этого, напрашивается вывод о том, что у индейцев пираха потребность в такой косвенной интерпретации воспринимаемого действия могла отсутствовать. А стало быть, и значение пассива оказалось не востребованным.

Основным далее будет общее понятие действия. Действием мы называем наблюдаемые однотипные изменения, происходящие с объектом. Действие (эти изменения) может порождаться самим объектом (его внутренней энергией) — тогда оно называется *независимым*, и действием другого объекта — тогда это *зависимое* действие.

Залоговое значение глагола указывает на тип действия (независимое или зависимое), происходящего с субъектом действия — референтом подлежащего. Актив (действительный залог) обозначает независимое действие субъекта, а пассив (страдательный залог) — зависимое действие субъекта.

В предложении

(6) *Шофер моет машину*

с шофером происходит *независимое* действие (глагол *моет* имеет активный залог), а в предложении

(7) *Машина моется шофером*

с машиной (субъектом глагола) происходит *зависимое* действие (глагол *моется* имеет пассивный залог).

Для пояснения этих определений рассмотрим подробнее ситуацию, обозначаемую предложением (6). В ней переходный глагол *моет* обозначает не одно «переходное» действие, а трехчленную конструкцию: два действия, связанных каузальным отношением. Первое действие (однотипные изменения) происходит с шофером: «он мочит тряпку в ведре с водой, водит мокрой тряпкой по поверхности машины и пр.». Это — независимое действие, поскольку оно порождается энергией (активностью) шофера. Второе действие (однотипные изменения) происходит с машиной: «она становится чище». Это — зависимое действие, порождаемое другим, первым действием. Итак, предложение *Шофер моет машину* обозначает следующую ситуацию:

(8) ситуация «шофер–машина» =

«с шофером происходит *независимое* действие (он мочит тряпку в ведре с водой, водит мокрой тряпкой по поверхности машины и пр.)»,

ПОЭТОМУ

«с машиной происходит *зависимое* действие (машина становится чище)».

Рассмотрим теперь предложение (7) *Машина моется шофером*. Как ни странно, оно описывает ту же ситуацию (8), в которой шофер по-прежнему — активный объект, независимое действие которого порождает зависимое действие, происходящее с машиной, — она становится чище. Этот вывод диктуется нашими знаниями об описываемой ситуации. И тем не менее значение этого предложения существенно отлично от значения предложения (6). Как нетрудно догадаться, различие заключается в разных трактовках ситуации (8), даваемых этими предложениями. В предложении *Шофер моет машину* главным участником ситуации выбран Агенс — шофер (референт подлежащего), а главным его действием — то, что он осуществляет с Пациентом (машиной) (он мог одновременно с этим действием курить, разговаривать с приятелем и т. д.). Эта трактовка полностью соответствует принципу непосредственности восприятия, поскольку главным объектом описания выбран внешне наиболее активный и заметный участник ситуации, а главным его действием — действие, представляющее наибольшие видимые изменения, происходящие в ситуации, и потому обращающее на себя внимание (мочит тряпку в ведре с водой и т. д.). Важную роль здесь также играет контакт действующего шофера с машиной. Этот контакт манифестирует каузальное отношение между действием шофера и действием, происходящим с машиной.

Замечание. В серии проведенных А. Лесли экспериментов (Leslie, 1982; 1984) трехмесячные младенцы наблюдали столкновение шаров. Если красный шар, подкатившись вплотную к зеленому шару, останавливался, а зеленый шар немедленно приходил в движение («прямой толчок»), они не выражали никакого удивления (быстро переставали обращать внимание на это действие). Если же красный шар останавливался, чуть-чуть не доходя до зеленого шара, а последний начинал движение («толчок без столкно-

вения»), то младенцы были удивлены таким действием. Младенцы также удивлялись, когда красный шар подходил вплотную к зеленому, а последний начинал движение не сразу, а с некоторой задержкой («отсроченный толчок»). Эти и другие эксперименты (см. о них Субботский, 2007) показали, что с самого раннего возраста дети трактуют контакт между двумя действующими объектами как свидетельство каузального отношения между их действиями.

Таким образом, предложение *Шофер моет машину* дает непосредственное описание воспринятой ситуации, использующее ее визуальные признаки. В предложении *Машина моется шофером* акценты расставлены совершенно иначе. Главным участником ситуации названа машина (прежний Пациент) — пассивный объект, не привлекающий внимания, а главным действием — происходящие с машиной зависимые изменения — «она становится чище». При этом активный участник ситуации — шофер (прежний Агент) именуется существительным в творительном падеже, то есть трактуется как инструмент, непосредственно порождающий эти изменения, но не имеющий собственной активности, ср. *Машина моется тряпкой*. Поэтому этот инструмент вообще может не упоминаться, ср. *Машина моется*. Как мы видим, эта трактовка дается вопреки непосредственно воспринимаемым характеристикам участников ситуации. Что же могло ее мотивировать? По-видимому, включение ситуации (4) в более широкий контекст, диктующий интерес к другим, не связанным с первичным восприятием, характеристикам. Прежде всего, это интерес к пассивному объекту и его изменениям, вызванным внешним действием, причем неважно чьим. Такая трактовка отвечает ситуациям, в которых действие недоступно прямому наблюдению, ср. *Ваша машина моется* (она в мойке), или растягивается на длительный срок — и неясно, что с объектом происходит в данный момент: *Дом строится* (при непосредственном восприятии дома это не всегда можно понять).

Подобные трактовки далеко выходят за пределы принципа непосредственности восприятия, царящего в мире индейцев пираха.

Сходным, но более сильным образом принцип непосредственности восприятия действует у детей. Л. С. Выготский рассказывает об эксперименте, который его сотрудница провела с двухлетними детьми. Они без труда повторяли отвлеченные фразы *Курица идет, Коко идет, Собака бежит*. Но сказать *Таня идет*, глядя на сидящую перед ними Таню, они не могли (Выготский, 2004, с. 136).

Конечно, восприятие индейцев не замыкается в рамках этого принципа. Но для его преодоления необходимо, чтобы в их обыденной жизни стали появляться соответствующие ситуации. А пока их нет, можно предположить, что у индейцев просто нет потребности в использовании пассивных конструкций (в п. 3.2 мы рассмотрели условия, в которых такие ситуации и описывающие их пассивные конструкции могут появиться).

Подведем итог. Проведенный анализ показал, что принцип непосредственности, или синкретичности восприятия сохраняется и в современных индустриальных социумах. Поэтому в европейских языках имеются аналоговые именованные цвета типа *аметистовый* (amethyst), *бронзовый* (bronze), *морковный* (carrot), *каштановый* (chestnut), *янтарный* (amber), абсолютные темпоральные показатели типа *восход*, *закат* (sunrise, sunset), называющие визуально идентифицируемые периоды времени, действительный залог, непосредственно отражающий наблюдаемое действие. Однако, в результате развития индустриальных социумов, у их представителей сформировался в рассмотренных сферах и другой принцип — опосредованности, или системности восприятия. Благодаря ему в языках этих социумов появились цветообозначающие имена типа *красный*, *зеленый* (red, green), относительные показатели времени типа *утро*, *вечер* (morning, evening), не имеющие прямых визуальных маркеров, пассив и другие залоговые значения, отражающие контекстные интерпретации видимых действий.

Из сказанного вовсе не следует, что у индейцев пираха принцип системности восприятия отсутствует. В их практической жизни огромную роль играют джунгли. Индейцы знают множество видов деревьев и трав, их лечебные и другие свойства, а также приемы их обработки и использования. По-видимому, в этом, а также в других подобных аспектах, ментальные представления действительности у индейцев гораздо более дифференцированы и системны, чем у членов индустриальных обществ. Поэтому в языке пираха имеется множество конкретной лексики, обозначающей эти растения, их свойства и действия с ними. А это, как мы теперь можем утверждать, есть следствие принципа системности восприятия мира джунглей.

3.8. Об универсальности человеческих концептов. Проведенные выше рассуждения позволяют утверждать, что концепты цвета (ЗЕЛЕНЫЙ, КРАСНЫЙ...), размера (БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ...), счета (ОДИН, ДВА, ТРИ...) и др. никак не могут претендовать на статус универсальных человеческих концептов.

Коснемся в этом плане дискуссии об универсальности цветовых категорий. Как мы уже упоминали, Б. Берлин и П. Кей (Berlin, Kay, 1969) утверждают, что английские базисные цветовые наименования *black*, *white*, *red*, *yellow*, *green*, *blue*, *brown*, *purple*, *pink*, *orange* и *gray* задают базовые категории, центральные прототипы которых одинаковы для разных этнических групп. И хотя многие языки содержат меньшее количество имен для базовых категорий, люди способны формировать все такие категории. А. Вежбицкая придерживается иной точки зрения (Wierzbicka, 2005; 2008). Основываясь на том факте, что в некоторых языках, например в языке австралийских аборигенов вальбири, нет ни слова *цвет*, ни базисных имен для основных цветов, она полагает, что цветовые категории не относятся к числу человеческих универсалий. Вежбицкая признает, что все люди живут в многоцветном мире. Но не все воспринимают цвета концептуально. У носителей языков, не имеющих слова *цвет*, вопрос «Какой это цвет?» не может быть задан и, по-видимому, не возникает. А значит, люди не могут и думать о цвете.

Для Вежбицкой вопрос об универсальности концепта ЦВЕТ принципиален. Отвечая на него отрицательно, она не включает этот концепт в число своих универсальных семантических примитивов. Не соглашаясь с ее логикой, П. Кей отмечает, что в ряде языков отсутствуют слова *размер*, *большой* и *маленький*, *число*, *количество*, *один*, *два* и др. Однако, несмотря на это, Вежбицкая относит концепты БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКИЙ, ОДИН и ДВА к универсальным семантическим примитивам (Кау, 2015).

Не имея возможности вдаваться здесь в детали дискуссии (ответ Вежбицкой см. в работе Wierzbicka, 2008), заметим лишь, что данные выше объяснения разрешают эту коллизию. Из них следует, что цветовые категории можно считать универсальными лишь потенциально — в том смысле, что выделенность признака Цвет, по-видимому, имеет генетическую обусловленность. Что же касается степени развития значений этого признака, то она определяется исключительно воздействием извне — влиянием повседневной практической деятельности социума. В полной мере все сказанное относится и к признаку Размер, см. п. 3.2.

Замечание. Из приведенных рассуждений следует, что понятие «лексическая/грамматическая универсалия» является относительным. Оно применимо не ко всем языкам, а к подмножествам языков, находящихся на одной стадии эволюции, иначе говоря, к парам «Язык–Социум», в которых социумы имеют примерно одинаковый уровень развития. Сказанное следует учитывать и при обращении к стословному списку Сводеша, в который в качестве базовых слов входят прилагательные *зеленый*, *желтый*, *красный*, *большой*, *маленький*, числительные *один*, *два*.

В этом же ключе следует, как нам кажется, трактовать спор между Д. Эвереттом и генеративистами (Everett, 2009; Nevins et al., 2009a, b; Futrell et al., 2016; Everett, 2008 / Эверетт, 2016) об универсальности рекурсии. Этой теме посвящен целый ряд исследований (см., в частности, Никулин, 2018 в настоящем выпуске журнала). Не имея возможности включаться здесь в эту дискуссию, отметим лишь свою солидарность с тезисом о существенном различии бесписьменных и письменных языков, которое следует учитывать при обсуждении языковой рекурсии (см. статьи Бурлак, 2018; Кибрик, 2018 в настоящем выпуске журнала).

3.9. Итоговые замечания. Приведенный в данном разделе анализ иллюстрирует огромное влияние, оказываемое прогрессом этногруппы (цивилизационным компонентом ее культуры, согласно Э. Сепиру) на развитие содержательной составляющей языка — его лексических и грамматических средств. Тем самым получили объяснение те механизмы, посредством которых, как писал Сепир, быстрое развитие западноевропейской культуры на протяжении последних 2000 лет сопровождалось «необыкновенно быстрыми языковыми изменениями», см. цитату в п. 1.2.

Что же касается положения Д. Эверетта о непосредственном влиянии культуры на строй языка, то нам не удалось найти ему подтверждения. Более того, есть основания для сомнений в его справедливости.

В самом деле, как мы показали выше, важнейшим фактором развития языка прогрессирующего социума служат постоянно возникающие в нем новые профессиональные языки. Однако каждый такой язык, при определении значений своих новых терминов, новых метафорических и идеоматических выражений, неизбежно использует синтаксис базового (обыденного) языка социума. Конечно, в новом языке могут появляться специальные, не употреблявшиеся ранее синтаксические конструкции типа математической конструкции *тогда и только тогда*. Но все они должны быть синтаксически корректными, иначе их просто нельзя будет однозначно понять⁸. Ввиду этого, естественно полагать, что на продвинутых этапах прогресса социума его культура (по крайней мере, ее цивилизационный компонент) не способна модифицировать синтаксис языка, в частности, изменять порядок слов предложения (SVO, SOV и др.), о котором говорил С. Пинкер, см. п. 1.1. Таким образом, в этом аспекте мы разделяем точку зрения Сепира, высказанную им в 1933, но не в 1911 году, см. п. 1.2. Притом что во всех остальных аспектах влияние культуры на язык (но не наоборот) не вызывает сомнений.

Замечание. Впрочем, нельзя исключить правоту Эверетта, утверждающего, что культура индейцев пираха влияет на строй их языка. Это племя, по-видимому, близко к тому начальному уровню прогресса, на котором, согласно Сепиру (1911), такое влияние возможно (см. цитату, приведенную в п. 1.2). Рассмотрим чисто гипотетически, как такое влияние могло бы осуществляться применительно к порядку слов в предложении. В самом деле, порядок слов предложения можно рассмотреть как указание на степень информативности его главных членов. К примеру, SVO указывает, что первым по информативности является подлежащее, вторым — сказуемое и третьим — прямое дополнение. Но это, по существу, означает, что в этноспецифичном представлении ситуации наиболее информативным ее участником является Агенс, на втором месте стоит Действие, а на третьем — Пациенс. Разумно предположить, что данная этноспецифика (порядок информативности участников ситуации) лежит в основе картины мира племени и может различаться у разных племен. А поскольку есть основания полагать, что представление ситуации первично относительно языка (см. об этом Кошелев, 2017), отвечающий этому представлению порядок слов в языках этих племен также будет различаться.⁹

⁸ Это утверждение фактически означает, что все профессиональные языки являются развившимися подъязыками обыденного языка социума.

⁹ Эта гипотеза согласуется с позицией Г. Пауля, считавшего порядок слов вторым по важности (из семи) языковым средством выражения связных человеческих представлений, ср.: «Для выражения связи представлений в языке существуют следующие средства: 1) простое соположение слов; 2) порядок слов... 6) служебные слова... 7) флективное изменение слов <...> Само собой разумеется, что из названных средств выражения связи представлений два последних могли сложиться лишь постепенно, в ходе длительного исторического развития, тогда как первые пять уже с самого начала находились в распоряжении говорящего» (Пауль, 1960, с. 145–146).

Если удастся обнаружить подтверждения этому предположению в типологических данных, то можно будет показать, что на начальном уровне прогресса племени его культура может влиять на строй языка, как и предполагал Сепир в своем докладе 1911 года.

Проведенный выше анализ также показал, что развитие человека обусловлено развитием составляющих его подсистем: мышления (ментальных репрезентаций действительности), действий (деятельности) и языка. А они развиваются не независимо друг от друга, а исключительно в рамках тесного взаимодействия и взаимной поддержки. Заметим, что это положение не является общепринятым. Например, Н. Хомский придерживается альтернативной позиции:

«С биолингвистической точки зрения язык можно представлять как „орган тела“ (наравне со зрительной, пищеварительной или иммунной системами). Подобно им, язык — субкомпонент сложного организма, обладающий значительной внутренней целостностью, так что изучать его нужно отдельно от его сложных взаимодействий с другими системами в жизненном цикле организма» (Хомский, Бервик, 2018, с. 89).

В заключение мне хотелось бы выразить восхищение широтой исследовательской и просветительской деятельности Д. Эверетта, который открыл нам столь необычный мир и язык индейского племени пираха и осмелился публично противопоставить свои взгляды — итог многолетнего профессионального изучения языка и культуры пираха — самому мощному направлению современной теоретической лингвистики. Следуя модели (1а), можно с уверенностью констатировать весьма высокий уровень его деятельностного развития.

Литература

- Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1985.
- Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II // М.: Изд-во АН СССР. 1963. Т. 1. С. 384.
- Бурлак С. А. Язык пираха и разговорная речь // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5. №1. С. 22–26.
- Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981, с. 531–554.
- Войкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
- Выготский Л. С. Психология развития ребенка. М.: Смысл, Эксмо, 2004.
- Иванов В. В. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // Вопросы языкознания. 2008. №4. С. 3–14.
- Кибрик А. А. Тирания чужого ума // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5. №1. С. 27–32.
- Кошелев А. Д. О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений (когнитивный анализ глагольной переходности и залога) // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 3. С. 19–39. URL: <http://izv-oifn.ru/articles/206/public/206-529-1-PB.pdf>.
- Кошелев А. Д. В поисках универсальной схемы развития // Интеграционно-дифференциальная теория развития / Под ред. Н. И. Чуприковой, А. Д. Кошелева. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 217–234. URL: www.akoshelev.net.

Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. URL: <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>.

Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Март Н. Я. Избранные работы. В 5 т. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.

Март Н. Я. Избранные работы. В 5 т. Т. II. Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935.

Никулин А. В. Принцип непосредственности восприятия: критическая оценка // Российский журнал когнитивной науки. 2018. Т. 5. №1. С. 81–95.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Розенгарт-Пупко Г. Л. Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М.: Учпедгиз, 1948.

Розенгарт-Пупко Г. Л. Формирование речи у детей раннего возраста. М.: Учпедгиз, 1963.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. Физиология и психология. М.: АН СССР, 1952.

Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2.. М.: Мысль, 1988.

Спенсер Г. Собрание сочинений. Т. 1. Основания биологии. СПб.: Акц. общ. печатного дела «Издатель», 1899.

Цейтлин С. Н. Усвоение ребенком прилагательных // Детская речь: норма и патология: Межвуз. сб. науч. трудов. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1996. С. 4–15.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

Чуприкова Н. И. Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.

Чуприкова Н. И. Психика и психические процессы: система понятий общей психологии. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Эверетт Д. Не спи — кругом змей! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.

Andrick G. R., Tager-Flusberg H. The acquisition of colour terms // Journal of Child Language. 1986. Vol. 13. No. 1. P. 119–137. doi:10.1017/s0305000900000337

Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. doi:10.2307/2798490

Blackwell A. A. Acquiring the English adjective lexicon: Relationships with input properties and adjectival semantic typology // Journal of Child Language. 2005. Vol. 32. No. 3. P. 535–562. doi:10.1017/s0305000905006938

Bornstein M. H. Colour-name versus shape-name learning in young children // Journal of Child Language. 1985. Vol. 12. No. 2. P. 387–393. doi:10.1017/s0305000900006498

Brannon E. M. The independence of language and mathematical reasoning // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. 2005. Vol. 102. No. 9. P. 735–740. doi:10.1073/pnas.0500328102

Dehaene S. A few steps toward a science of mental life // Mind, Brain and Education. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 28–47. doi:10.1111/j.1751-228x.2007.00003.x

Dixon R. M. W. Adjectives classes in typological perspective // Adjective classes: A cross-linguistic typology / R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1–49.

Dixon R. M. W. Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton, 1982. doi:10.1515/9783110822939

Ebeling K. S., Gelman S. A. Flexibility in semantic representations: Children's ability to switch among different interpretations of "big" and "little" // *Papers and reports on child language development*. Vol. 29. Stanford, California: Department of Linguistics, Stanford University, 1990. P.38–46.

Everett D. Pirahã culture and grammar: A response to some criticism // *Language*. 2009. Vol. 85. No. 2. P.405–442. doi:10.1353/lan.0.0104

Everett D. L. Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. No. 4. P.621–646. doi:10.1086/431525

Ferry A., Hespos S., Waxman S. Categorization in 3- and 4-month-old infants: An advantage of words over tones // *Child Development*. 2010. Vol. 81. No. 2. P.472–479. doi:10.1111/j.1467-8624.2009.01408.x

Fulkerson A. L., Waxman S. R. Words (but not Tones) facilitate object categorization: Evidence from 6- and 12-month-olds // *Cognition*. 2007. Vol. 105. No. 1. P.218–228. doi:10.1016/j.cognition.2006.09.005

Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E. A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã // *PLoS One*. 2016. Vol. 11. No. 3. P.e0145289. doi:10.1371/journal.pone.0145289

Gasser M., Smith L. Learning nouns and adjectives: a connectionist account // *Language and Cognitive Processes*. 1998. Vol. 13. No. 2/3. P.269–306. doi:10.1080/016909698386537

Gentner D. Why we're so smart // *Language in mind: Advances in the study of language and thought* / D. Gentner, S. Goldin-Meadow (Eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P.195–235.

Goldstein K., Scheerer M. Abstract and concrete behavior an experimental study with special tests // *Psychological Monographs*. 1941. Vol. 53. No. 2. P.i–151. doi:10.1037/h0093487

Goodale M. A., Milner A. D., Jakobson L. S., Carey D. P. A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them // *Nature*. 1991. Vol. 349. No. 6305. P.154–156. doi:10.1038/349154a0

Hauser M. D. Wild minds: What animal really think. N.Y.: Henry Holt, 2000.

Kay P. Universality of color categorization // *Handbook of color psychology* / A. J. Elliot, M. D. Fairchild, A. Franklin (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P.245–258.

Landau B., Smith L. B., Jones S. S. The importance of shape in early lexical learning // *Cognitive Development*. 1988. Vol. 3. No. 3. P.299–321. doi:10.1016/0885-2014(88)90014-7

Leslie A. M. The perception of causality in infants // *Perception*. 1982. Vol. 11. No. 2. P.173–186. doi:10.1068/p110173

Leslie A. M. Spatiotemporal continuity and the perception of causality in infants // *Perception*. 1984. Vol. 13. No. 3. P.287–305. doi:10.1068/p130287

Markson L., Diesendruck G., Bloom P. The shape of thought // *Developmental Science*. 2008. Vol. 11. No. 2. P.204–208. doi:10.1111/j.1467-7687.2007.00666.x

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment // *Language*. 2009a. Vol. 85. No. 2. P.355–404. doi:10.1353/lan.0.0107

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumentation: A reply to Everett // *Language*. 2009b. Vol. 85. No. 3. P.671–681.

Pica P., Lemer C., Izard V., Dehaene S. Exact and approximate arithmetic in an Amazonian indigene group // *Science*. 2004. Vol. 306. No. 5695. P.499–503. doi:10.1126/science.1102085

Rivera S. M., Zawaydeh A. N. Word comprehension facilitates object individuation in 10- and 11-month-old infants // *Brain Research*. 2006. Vol. 1146. P.146–157. doi:10.1016/j.brainres.2006.08.112

Ryle G. Ordinary language // *The Philosophical Review*. 1953. Vol. 62. No. 2. P.167–186. doi:10.2307/2182792

Santos L. R., Sulkowski G. M., Spaepen G. V., Hauser M. D. Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*) // *Cognition*. 2002. Vol. 83. No. 3. P.241–264. doi:10.1016/s0010-0277(02)00006-9

Varley R. A., Klessinger N. J. C., Romanowski C. A. J., Siegal M. Agrammatic but numerate // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2005. Vol. 102. No. 9. P.3519–3524.

Waxman S. R. All in good time: How do infants discover distinct types of words and map them to distinct kinds of meaning? // *Infant pathways to language: Methods, models, and research directions* / J. Colombo, P. McCordle, L. Freund (Eds.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P.99–118.

Waxman S. R., Braun I. E. Consistent (but not variable) names as invitations to form object categories: new evidence from 12-month-old infants // *Cognition*. 2005. Vol. 95. No. 3. P.59–68. doi:10.1016/j.cognition.2004.09.003

Werner H. Comparative psychology of mental development (with a new prologue by Margery B. Franklin). Clinton Corners, NY: Percheron Press, 2004.

Wierzbicka A. There are no "color universals" but there are universals of visual semantics // *Anthropological Linguistics*. 2005. Vol. 47. No. 2. P.217–244.

Wierzbicka A. Why there are no 'colour universals' in language and thought // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. Vol. 14. No. 2. P.407–425. doi:10.1111/j.1467-9655.2008.00509.x

Wilcox T. Object individuation: Infants' use of shape, size, pattern, and color // *Cognition*. 1999. Vol. 72. No. 2. P.125–166. doi:10.1016/s0010-0277(99)00035-9

Xu F. The role of language in acquiring object kind concepts in infancy // *Cognition*. 2002. Vol. 85. No. 3. P.223–250. doi:10.1016/s0010-0277(02)00109-9

Xu F. Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11. No. 9. P.400–406. doi:10.1016/j.tics.2007.08.002

Xu F., Carey S. Infants' metaphysics: The case of numerical identity // *Cognitive Psychology*. 1996. Vol. 30. P.111–153. doi:10.1006/cogp.1996.0005

discussion

On the Influence of Culture on Language (in the Example of the Amazonian Pirahã Tribe)

Alexey D. Koshelev

LRC Publishing House, Moscow, Russia

Abstract. One of the central themes of the article is the nature of a culture's influence on its language. A society's civilizational progress contributes to the development of the content component of its language — the expansion of the range of its lexical and grammatical meanings. Everett's hypothesis about the influence of culture on its language system is discussed. Models of human development are proposed, formed by three components: Activity as the main component, with Thinking and Language as auxiliary components that ensure the successful performance of activities. In light of these models, some unusual properties of the language of the Pirahã tribe are analyzed, including its absence of color terms, counting words and passive voice. It is shown that these properties are consequences of the initial stage of the tribe's progress, which would presumably be eliminated in case of its transition to subsequent stages of progress.

Correspondence: Alexey D. Koshelev, koshelev47@gmail.com, LRC Publishing House, Moscow, Russia

Keywords: Pirahã, activity, thinking, language development, culture, color terms, color naming, counter words, human model

Copyright © 2018. Alexey D. Koshelev. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Note. The article is partially based on an earlier afterword for the Russian translation of Daniel Everett's book: Koshelev, A. (2016). Pirakha kak primer yazyka, "zastyvshego" na nachalnoi stadii evolyutsii. Posleslovie [Piraha as a case of language that stopped on the initial stages of its development. An afterword] In D.L. Everett. *Ne spi — krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei* [Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian Jungle] (P.S. Dronov, I.V. Mokin, E.N. Panov, Trans. into Russian), pp. 341–378. Moscow: LRC Publ.

Acknowledgements. The author is deeply indebted to Liudmila G. Zubkova and Ekaterina V. Pechenkova for fruitful discussion of the paper and for their valuable advice. I am grateful to anonymous reviewers for their helpful comments.

Received May 24, 2017, accepted March 26, 2018.

References

- Andrick, G.R., & Tager-Flusberg, H. (1986). The acquisition of colour terms. *Journal of Child Language*, 13(1), 119–137. [doi:10.1017/s0305000900000337](https://doi.org/10.1017/s0305000900000337)
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected works on general linguistics., Vol. 1*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Berlin, B., & Kay, P. (1969). *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press. [doi:10.2307/2798490](https://doi.org/10.2307/2798490)
- Blackwell, A.A. (2005). Acquiring the English adjective lexicon: Relationships with input properties and adjectival semantic typology. *Journal of Child Language*, 32(3), 535–562. [doi:10.1017/s0305000905006938](https://doi.org/10.1017/s0305000905006938)
- Bornstein, M.H. (1985). Colour-name versus shape-name learning in young children. *Journal of Child Language*, 12(2), 387–393. [doi:10.1017/s0305000900006498](https://doi.org/10.1017/s0305000900006498)
- Bower, T.G.R. (1974). *Development in infancy*. Oxford, England: WH Freeman.
- Brannon, E.M. (2005). The independence of language and mathematical reasoning. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, 102(9), 735–740. [doi:10.1073/pnas.0500328102](https://doi.org/10.1073/pnas.0500328102)
- Burlak, S.A. (2018). Pirahã and spoken language. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5(1), 22–26. (In Russian).
- Cejtlin, S.N. (1996). Usvoenie rebenkom prilagatelnykh [Acquisition of adjectives in children]. In *Detskaya rech: norma i patologiya* [Child's speech: normative and pathologic] (pp. 4–15). Samara: Samara State University. (In Russian).
- Cejtlin, S.N. (2009). *Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi* [Essays on word formation and morphogenesis in children]. Moscow: Znak. (In Russian).
- Chuprikova, N.I. (2007). *Umstvennoe razvitie: Printsip differentsiatsii* [Psychology of mental development: The Principle of Differentiation]. Moscow: Piter. (In Russian).

- Chuprikova, N.I. (2015). *Psikhika i psikhicheskie protsessy (sistema ponyatiy obshchey psikhologii) [Mind and mental processes (the system of concepts of general psychology)]*. Moscow: LRC Publishers. (In Russian).
- Dehaene, S. (2007). A few steps toward a science of mental life. *Mind, Brain and Education*, 1(1), 28–47. doi:10.1111/j.1751-228x.2007.00003.x
- Dixon, R.M.W. (2004). Adjectives classes in typological perspective. In R.M.W. Dixon, & A.Y. Aikhenvald (Eds.), *Adjective classes: A cross-linguistic typology* (pp.1–49). Oxford: Oxford University Press.
- Dixon, R.M.W. (1982). *Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax*. Berlin: Mouton. doi:10.1515/9783110822939
- Ebeling, K.S., & Gelman, S.A. (1990). Flexibility in semantic representations: Children's ability to switch among different interpretations of "big" and "little". In *Papers and reports on child language development*. Vol.29 (pp.38–46). Stanford, California: Department of Linguistics, Stanford University.
- Everett, D. (2008). *Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. New York: Pantheon Books.
- Everett, D. (2009). Pirahã culture and grammar: A response to some criticism. *Language*, 85(2), 405–442. doi:10.1353/lan.0.0104
- Everett, D.L. (2005). Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language. *Current Anthropology*, 46(4), 621–646. doi:10.1086/431525
- Ferry, A., Hespos, S., & Waxman, S. (2010). Categorization in 3- and 4-month-old infants: An advantage of words over tones. *Child Development*, 81(2), 472–479. doi:10.1111/j.1467-8624.2009.01408.x
- Fulkerson, A.L., & Waxman, S.R. (2007). Words (but not Tones) facilitate object categorization: Evidence from 6- and 12-month-olds. *Cognition*, 105(1), 218–228. doi:10.1016/j.cognition.2006.09.005
- Futrell, R., Stearns, L., Everett, D.L., Piantadosi, S.T., & Gibson, E. (2016). A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã. *PLoS One*, 11(3), e0145289. doi:10.1371/journal.pone.0145289
- Gasser, M., & Smith, L. (1998). Learning nouns and adjectives: a connectionist account. *Language and Cognitive Processes*, 13(2/3), 269–306. doi:10.1080/016909698386537
- Gentner, D. (2003). Why we're so smart. In D. Gentner, & S. Goldin-Meadow (Eds.), *Language in mind: Advances in the study of language and thought* (pp.195–235). Cambridge, MA: MIT Press.
- Goldstein, K., & Scheerer, M. (1941). Abstract and concrete behavior an experimental study with special tests. *Psychological Monographs*, 53(2), i – 151. doi:10.1037/h0093487
- Goodale, M.A., Milner, A.D., Jakobson, L.S., & Carey, D.P. (1991). A neurological dissociation between perceiving objects and grasping them. *Nature*, 349(6305), 154–156. doi:10.1038/349154a0
- Hauser, M.D. (2000). *Wild minds: What animal really think*. N. Y.: Henry Holt.
- Ivanov, V.V. (2008). Ob evolyutsii pererabotki i peredachi informatsii v soobshchestvakh lyudei i zhivotnykh [On evolution of information processing and information transfer in human and animal social groups]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, (4), 3–14. (In Russian).
- Kay, P. (2015). Universality of color categorization. In A.J. Elliot, M.D. Fairchild, & A. Franklin (Eds.), *Handbook of color psychology* (pp.245–258). Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A.A. (2018). Tyranny of another mind. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5(1), 27–36. (In Russian).
- Koshelev, A.D. (2011). V poiskakh universalnoi skhemy razvitiya [In search for the universal scheme of development]. In N.I. Chuprikova, & A.D. Koshelev (Eds.), *Integratsionno-differentsionnaya teoriya razvitiya [Integrational-differential theory of development]* (pp.217–234). Moscow: LRC Publishers. (In Russian). Retrieved from <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>
- Koshelev, A. D. (2016). [On structural and genetic similarities of lexical and grammatical meanings (A cognitive analysis of verb transitivity and voice)]. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 75(3), 19–39. (In Russian). Retrieved from <http://izv-oiin.ru/articles/206/public/206-529-1-PB.pdf>
- Koshelev, A.D. (2017). *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka [Essays in the evolutionary synthetic theory of language]*. Moscow: LRC Publishers. (In Russian). Retrieved from <https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>.
- Lakoff, G. (2008). *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: University of Chicago press.
- Landau, B., Smith, L.B., & Jones, S.S. (1988). The importance of shape in early lexical learning. *Cognitive Development*, 3(3), 299–321. doi:10.1016/0885-2014(88)90014-7
- Leslie, A.M. (1982). The perception of causality in infants. *Perception*, 11(2), 173–186. doi:10.1068/p110173
- Leslie, A.M. (1984). Spatiotemporal continuity and the perception of causality in infants. *Perception*, 13(3), 287–305. doi:10.1068/p130287
- Markson, L., Diesendruck, G., & Bloom, P. (2008). The shape of thought. *Developmental Science*, 11(2), 204–208. doi:10.1111/j.1467-7687.2007.00666.x
- Marr, N.Y. (1933). *Izbrannye raboty [Selected works]*. Vol. I. Leningrad: AN SSSR. (In Russian).
- Marr, N.Y. (1936). *Izbrannye raboty [Selected works]*. Vol. II. Leningrad: AN SSSR. (In Russian).
- Morgan, L.H. (1877). *Ancient society; or, researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization*. N.Y.: H. Holt.
- Nevins, A., Pesetsky, D., & Rodrigues, C. (2009). Pirahã exceptionality: A reassessment. *Language*, 85(2), 355–404. doi:10.1353/lan.0.0107
- Nevins, A., Pesetsky, D., & Rodrigues, C. (2009). Evidence and argumentation: A reply to Everett. *Language*, 85(3), 671–681.
- Nikulin, A.V. (2018). The immediacy of experience principle: A critical assessment. *The Russian Journal of Cognitive Science*, 5(1), 81–95. (In Russian).
- Paul, H. (1890). *Principles of the history of language*. London, New York: Longmans, Green, and Co.
- Pica, P., Lemer, C., Izard, V., & Dehaene, S. (2004). Exact and approximate arithmetic in an Amazonian indigene group. *Science*, 306(5695), 499–503. doi:10.1126/science.1102085
- Pinker, S. (2003). *The language instinct: How the mind creates language*. London: Penguin.
- Pinker, S. (2007). *The stuff of thought: Language as a window into human nature*. London: Penguin.
- Rivera, S.M., & Zawaydeh, A.N. (2006). Word comprehension facilitates object individuation in 10- and 11-month-old infants. *Brain Research*, 1146, 146–157. doi:10.1016/j.brainres.2006.08.112
- Rozengardt-Pupko, G.L. (1948). *[Speech and the development of perception in early childhood]*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).
- Rozengardt-Pupko, G.L. (1963). *Formirovanie rechi u detei ranego vozrasta [Speech development in early childhood]*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).
- Ryle, G. (1953). Ordinary language. *The Philosophical Review*, 62(2), 167–186. doi:10.2307/2182792
- Santos, L.R., Sulkowski, G.M., Spaepen, G.V., & Hauser, M.D. (2002). Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*). *Cognition*, 83(3), 241–264. doi:10.1016/s0010-0277(02)00006-9
- Sapir, E. (1993). *Selected works on linguistics and culturology*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Sechenov, I.M. Koshtoyants, K.S. (Ed.). (1952). *Izbrannye proizvedeniya. T. 1: Fiziologiya i psikhologiya [Selected works. Vol. I. Physiology and psychology]*. Moscow: AN SSSR. (In Russian).
- Solovyev, V.S. (1988). *Collected works*. Moscow: Mysl. (In Russian).
- Spencer, H. (1875). *The principles of biology (Vol. 2)*. N.Y.: Appleton.
- Varley, R.A., Klessinger, N.J.C., Romanowski, C.A.J., & Siegal, M. (2005). Agrammatic but numerate. *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*, 102(9), 3519–3524.

- Vendler, Z. (1963). The grammar of goodness. *The Philosophical Review*, 72(4), 446–465. doi:10.2307/2183030
- Voeikova, M.D. (2011). *Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka [Early stages of Russian nominal morphology acquisition in child language]*. Moscow: Znak. (In Russian).
- Vygotsky, L.S. (2004). *Psihologia razvitiya rebionka [Psychology of child development]*. Moscow: Smysl, Eksmo. (In Russian).
- Waxman, S.R. (2008). All in good time: How do infants discover distinct types of words and map them to distinct kinds of meaning? In J. Colombo, P. McCardle, & L. Freund (Eds.), *Infant pathways to language: Methods, models, and research directions* (pp.99–118). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Waxman, S.R., & Braun, I.E. (2005). Consistent (but not variable) names as invitations to form object categories: new evidence from 12-month-old infants. *Cognition*, 95(3), 59–68. doi:10.1016/j.cognition.2004.09.003
- Werner, H. (2004). *Comparative psychology of mental development (with a new prologue by Margery B. Franklin)*. Clinton Corners, NY: Percheron Press.
- Wierzbicka, A. (2005). There are no “color universals” but there are universals of visual semantics. *Anthropological Linguistics*, 47(2), 217–244.
- Wierzbicka, A. (2008). Why there are no ‘colour universals’ in language and thought. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 14(2), 407–425. doi:10.1111/j.1467-9655.2008.00509.x
- Wilcox, T. (1999). Object individuation: Infants’ use of shape, size, pattern, and color. *Cognition*, 72(2), 125–166. doi:10.1016/S0010-0277(99)00035-9
- Xu, F. (2002). The role of language in acquiring object kind concepts in infancy. *Cognition*, 85(3), 223–250. doi:10.1016/S0010-0277(02)00109-9
- Xu, F. (2007). Sortal concepts, object individuation, and language. *Trends in Cognitive Sciences*, 11(9), 400–406. doi:10.1016/j.tics.2007.08.002
- Xu, F., & Carey, S. (1996). Infants’ metaphysics: The case of numerical identity. *Cognitive Psychology*, 30, 111–153. doi:10.1006/cogp.1996.0005